18+

Алексей Гридин

Только хорошие умирают молодыми



Алексей Гридин

Только хорошие умирают молодыми. Фантастический роман

«Издательские решения»

Гридин А. В.

Только хорошие умирают молодыми. Фантастический роман / А. В. Гридин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742061-1

Загадочная катастрофа отрезала город от всего мира. Идет война на уничтожение, люди воюют против крыс-мутантов, выросших до размера человека и научившихся пользоваться автоматом. Эта история началась тогда, когда глухой снайпер, поражающий цель из любого оружия и в любой ситуации, промахнулся и не попал в крысу, умеющую играть на флейте и очаровывающую людей своей музыкой. Сначала эти двое пытались убить друг друга, затем начали разговаривать. Может быть, они — последний шанс нового мира?Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-742061-1

© Гридин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Новые знакомые, старые знакомые… 6
Глава 2. Немного воспоминаний 18
Глава 3. Ночью, у клумбы с астрами 26
Глава 4. «Серая зона» 36
Глава 5. В подвале 55
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Только хорошие умирают молодыми
Фантастический роман

Алексей Владимирович Гридин

Only the good die young…
Iron Maiden

© Алексей Владимирович Гридин, 2026

ISBN 978-5-4474-2061-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Новые знакомые, старые знакомые…

Обеих крыс Музыкант застрелил легко. Даже небрежно. Другое дело, что твари проскользнули мимо постов и, выпади им чуточку больше везения, могли и выполнить свое задание, каким бы оно ни было. Две здоровенные особи, вооруженные автоматами, проплыли по реке на старенькой лодке и расположились в тени огромной мостовой опоры, явно поджидая неосторожных одиночек. Но Олег и раньше обладал потрясающим чутьем на крыс, а сегодня эта способность неожиданно стала еще сильнее. Не зря Дóцент, хоть и слегка недолюбливал глухого снайпера, постоянно бурча о том, что «Музыкант — парень со странностями», все же разрешил ему не стоять по расписанию в караулах, а обходить в одиночку кварталы порубежья. Эдакая свободная охота. Подобное патрулирование частенько заканчивалось тем, что Музыкант приносил в Штаб очередной крысиный хвост. Порой даже целую связку.

А в последние три месяца Доцент и вовсе махнул рукой на странности Олега и подписал ему бумагу, позволяющую выходить за линию постов в любое время суток без согласования со Штабом. Причиной этого стали необъяснимые исчезновения людей — как одиночные, так и целыми постами. Ни с того ни с сего, без единого сигнала тревоги пропадала связь. Мчавшиеся на помощь тревожные группы не находили ни малейших следов боя. Не оставалось ни единой стреляной гильзы. Ни одна пулевая выбоина не украшала стен или асфальта. Трупов не было: ни человеческих, ни крысиных. Иногда, правда, по выпавшим из карманов мелочам вроде зажигалок или бумажников удавалось понять, что люди уходили на территорию крыс. Но почему? Зачем? Как? Что двигало ими? Все эти вопросы оставались без ответов.

Несколько групп после долгих многочасовых споров в Штабе рискнули сунуться в «серую зону» — так теперь принято было называть места, населенные изменившимися после Катастрофы крысами, — но вылазки были безрезультатными. После того как одна из групп не вернулась из рейда, идею глубокого поиска в «серой зоне» похоронили. И лишь Музыкант неизменно выходил на свободную охоту в порубежье. И только он возвращался всегда.

Узнав, что Доцент подписал Музыканту этот пропуск, многие в Штабе были недовольны, но и тому, кто поставил подпись на листке бумаги, и тому, кто этот листок получил, было на это наплевать, хотя и по разным причинам. Иногда Олегу казалось, что Доцент закрывает на него глаза в надежде, что глухой снайпер либо найдет разгадку, либо наконец исчезнет и перестанет одним своим существованием будоражить Штаб. Ну а пока не случилось ни того, ни другого, оправданием того, что Музыкант все еще топтал землю, были уже упомянутые крысиные хвосты.

Вот и сейчас Олег почувствовал что-то неладное. Привычным движением подцепил пальцем слуховой аппарат, сдернул его с уха, и мир онемел. Ни единого звука. Мертвенная тишина. Когда дужка слухового аппарата покидала его ухо, снайпер чувствовал, что растворяется в окружающем мире и мало что может его отвлечь.

И в этой тишине какое-то неведомое, неясно откуда взявшееся, непонятно зачем проснувшееся в нем чувство подтолкнуло его свернуть с Красноармейской на Тургенева — улицу, которая вела к реке. Сегодня снайпер был здесь единственным человеком. Как-никак порубежье. Все равно по этим улицам мало кто ходит — ведь в любой момент эти места могут стать зоной боев. Ближайшие посты остались в километре позади. На самом деле могло выйти и так, что две подстреленные им крысы сидели бы в засаде суток трое-четверо, так и не дождавшись добычи. Хотя… При другом раскладе у них был шанс внести Олега в список своих трофеев.

Снайпер осторожно крался вдоль стен домов, в которых уже не первый год никто не жил, напряженно пытаясь понять, что еще подскажет ему незримый союзник, то неизвестное — не

слух, не зрение — чувство, что вело его сейчас к цели. Разглядев вдалеке лодку и крыс рядом с ней, Музыкант осмотрелся и выбрал девятиэтажку, из окон которой открывался хороший вид на подножие мостовой опоры.

Лифт, конечно, не работал. Кто станет заморачиваться тем, что в брошенных домах пришлось добираться до чердака на своих двоих? В Городе осталось не так уж много людей, и даже те здания, которые не пустовали, не могли похвастаться перенаселенностью. Может, хоть теперь жилищный вопрос никого не испортит? Вот ведь какое счастье настало, беззвучно усмехнулся Музыкант, выбирай, где будешь жить, — и никто не заставит тебя платить за квартиру. Только, выбирая, не забудь, что лучше жить поближе к другим представителям хомо сапиенс, а то со связью в Городе плоховато, с общественным транспортом — вообще никак, и, конечно, любой понимает: селиться стоит там, куда не доберутся твари, собравшиеся устроить набег и прорвавшие линию обороны или просто и незатейливо обошедшие посты. Было время, по пустым зданиям бродили банды любителей поживиться брошенным добром. Вроде как если брошено, то оно уже ничье. Нельзя сказать, что в таком подходе не было своеобразной логики, но Штаб не жаловал тех, кто шнырял по оставшимся без хозяев квартирам. К тому же нередко именно хваткие ребята, не брезговавшие подобрать то, что лежало бесхозным, сбивались в стаи и пытались прибрать под себя и то, что все еще кому-то принадлежало. Конечно, эти то собиравшиеся, то распадавшиеся стаи не чета были ставшим легендами бандам, полностью уничтоженным несколько лет назад, но штабисты предпочитали с неприятностями разбираться быстро и жестко. Так что многие уяснили: любой, кто живет в заброшенном доме или хотя бы изредка наведывается в оставленные жильцами квартиры, будет находиться на подозрении, а обитать лучше на территории, которую контролирует Штаб. Выжить за пределами, обозначенными на карте как «наш город», нереально. Нет электричества, нет отопления, склады по большей части вывезены, а крысы при встрече не церемонятся — у них с людьми, как давно уже стало понятно, разговор один: пуля между глаз. Впрочем, как и у людей с крысами.

Давным-давно отключенный лифт не смутил снайпера. Олег поднялся на последний этаж, не запыхавшись. Все-таки те, кому посчастливилось выжить после Катастрофы и всего того, что за ней последовало, были вынуждены улучшать физическую подготовку. Такая уж настала жизнь: хочешь жить — бегай и вертись, вертись и бегай. На фоне того, что порой случается в Городе, подъем на девятый этаж выглядит ненапряжной прогулкой.

Снайпер толкнул нужную ему дверь. Та оказалась запертой, но Музыканта это не остановило. Не первый раз. Он извлек из кармана набор отмычек, сноровисто расправился с замком и все-таки вошел в квартиру.

Олег по-прежнему не надевал слухового аппарата, и вокруг царила тишина. Но ничего нельзя было поделать с обонянием, и он только поморщился брезгливо, когда по ноздрям шибанул затхлый запах. В квартире пахло книгами. Похоже, у хозяев была неплохая библиотека, но потом здесь явно побывали мародеры. Либо со злости от того, что ничего ценного не нашли, либо из простого куража они разбросали книги по комнатам. То ли стекла в окнах они же и вышибли, то ли во время какой-нибудь стычки их вынесло напрочь, то ли еще что случилось, — но книги явно поливались дождем, заносились снегом, сохли под солнцем, а потом все повторялось заново. И теперь квартира была завалена полусгнившим книжным месивом, по которому буйно разрасталась зеленовато-белесая плесень.

Стараясь не поскользнуться на этом странном ковре, который когда-то был кладезем человеческой мудрости и умения чувствовать прекрасное, а теперь медленно разлагался под напором капризов погоды, Музыкант подошел к окну. Да, отсюда лодка с крысами просматривалась просто великолепно. Можно было обойтись даже без всяких технических наворотов типа лазерного прицела или электронного измерителя расстояния. Как в старину: только оптика да собственный глаз. А еще — выдержка, хладнокровие и опыт. Впрочем, одернул сам себя снайпер, он сюда не развлекаться пришел. Как ни крути, а это работа и ее нужно сде-

лать быстро и качественно. Поэтому он только вздохнул, поднял винтовку, тщательно прицелился, не побрезговав помощью как своего чудесного чутья, так и технологических приблуд, и небрежно, в два быстрых нажатия курка, отправил обеих крыс в их крысиный ад.

Вот только открывшееся пару лет назад чувство все еще продолжало толчками биться где-то в солнечном сплетении, намекая, что работа еще не закончена.

Что? Неужели рядом с лодкой скрывались другие крысы? Музыкант как мог осторожно оглядел окрестности. Ни единого следа серых тварей. И чутье ничего не подсказывает…

Однако стоило Олегу шагнуть от окна к выходу из комнаты, как на несколько мгновений затаившееся чутье вновь проснулось и требовательно о себе заявило.

Спроси кто Музыканта, как именно он воспринимает сигналы, подаваемые ему этим самым шестым чувством, — ответить Олег, наверное, не смог бы. Как объяснить глухому, что такое звук? Как рассказать слепому, что значит — видеть? Сможет ли лишенный обоняния понять, что такое запах? Вот и теперь он ощущал что-то, чему не знал названия, но мог только сообразить: нужно оставаться в квартире. И он покорно подчинился.

Как выяснилось — не зря. Краем глаза снайпер уловил движение слева. Стараясь особо не показываться возможному наблюдателю, он осторожно всмотрелся туда, где улица Тургенева поднималась по небольшому холму. Рассмотрел кое-что. И, не поверив глазам, шагнул опять от окна внутрь комнаты.

И вновь неведомое чувство подтолкнуло его обратно. Мол, с глазами все в порядке. То, что ты видишь, — самая настоящая правда. Я не подводило тебя раньше, не собираюсь этого делать и сейчас. Вернись и посмотри еще раз. А потом — действуй, снайпер.

Хорошо, обреченно согласился Музыкант. Договорились. Я не сошел с ума. Мне не напекло голову. То, что я видел, — не бред.

Он вернулся к окну и опять выглянул наружу. Внизу, в тени чудом уцелевшего козырька над входом в гигантский супермаркет, шествовала — иначе и не скажешь — крыса. Крыса играла на флейте: даже отсюда, с девятого этажа, Музыкант, зрение которого было существенно лучше, чем слух, мог разглядеть неторопливый танец крысиных пальцев по трубочке.

Крыса играла не переставая, изредка оборачиваясь и бросая внимательный взгляд на идущих за ней людей. Их было трое. Того, что шел первым, Музыкант немного знал: Валера Козычев, командир седьмого поста. Двух других — высокого толстяка с пышной кудрявой шевелюрой и пожилого мужичка с неухоженной козлиной бородкой — он видел впервые. Что это за чертовщина? Всего полчаса назад Олег прошел мимо седьмого поста и перекинулся парой слов с Козычевым — почему же тот оставил пост, на котором, и в этом снайпер готов был поклясться, еще недавно было совершенно спокойно? Почему все трое идут за крысой с флейтой, не пытаясь даже сопротивляться? Валера и толстяк были безоружны, козлобородый мужичок расслабленно держал в руке автомат, но не пытался пустить его в ход. Глаза их были открыты, они смотрели на дорогу вполне уверенным взглядом, реагируя на трещины в асфальте и оставшиеся после недавнего дождя лужи. Но зачарованные флейтой крысы люди, казалось, совершенно не замечали пританцовывающей перед ними твари.

Это что еще за гаммельнский флейтист навыворот, потрясенно подумал Музыкант. Ну уж не знаю, откликнулось его тайное чувство. Не знаю, но твоя работа — давить этих серых гадов, какими бы они ни были. Наверное, именно эта крыса — причина необъяснимых пропаж людей. Возможно, именно она, дудя в свою волшебную дудку, увела с собой бесшабашного Гришку Шапошникова, с которым так весело было резаться в «подкидного» за банкой-другой пивка. Может быть, вслед за ней, поддавшись мелодии крысиной флейты, ушел в «серую зону» доморощенный философ Лев Федорыч Сверзин, непревзойденный мастер плести изящные логические конструкции — парадоксальные, невозможные, но потрясающе убедительные.

Без Сверзина жить стало гораздо скучнее. И кто знает, сколько еще незнакомых Олегу людей последовали за крысой, сыгравшей им на флейте музыку, перед которой они не смогли устоять?

Крыса важно вышагивала по расколотому асфальту, изредка оборачиваясь, чтобы убедиться: зачарованные люди продолжают вереницей идти следом. Музыкант вновь потянулся к винтовке, радуясь про себя, что не просто лишен слуха, но и наделен загадочным чувством, предупреждающим об опасности, благодаря которому флейта крысы не может ему ничего сделать.

Он внезапно догадался, куда крыса вела людей. К реке. Точно туда, где ее ждала лодка, охраняемая двумя здоровенными пасюками с автоматами. Вот зачем они приплыли. Конвоиры, мать их за ногу. Но крысиный флейтист не знал, что его подручных глухой снайпер подстрелил несколько минут назад.

Олег задумчиво коснулся спускового крючка. И в тот же момент крыса, словно что-то почуяв, завертела головой. Начала принюхиваться. Задрожали тонкие усы.

Ух ты, потрясенно подумал Музыкант. Неужели она тоже способна каким-то неизвестным образом улавливать то, чего не воспринять обычными органами чувств? Неужели крыса этой способностью похожа на него?

Надо стрелять быстрее. Такой враг вдвойне опаснее обычной крысы с автоматом, даже если не считать ее гадской флейты.

Олег нажал на спуск. Но за мгновение до выстрела крыса отняла флейту от пасти и метнулась в сторону. Пуля высекла искру по асфальту и ушла куда-то в никуда. Крыса, пригнувшись, бросилась ко входу в супермаркет и отчаянным прыжком ввинтила свое серое тело в разбитую витрину, перелетела подоконник и растворилась в темноте бывшего торгового зала. Не хуже героя из докатастрофного боевика. Олег со злости успел еще пару раз выстрелить ей вслед, но уже тогда, когда палец лишь лег на спусковой крючок, он понимал: без толку. Таинственная зверюга с флейтой ушла у него из-под носа.

Спасенная им троица ошарашенно вертела головами, продолжая стоять посреди улицы. Им бы сейчас хотя бы к стенам прижаться, подумал Музыкант. Но, видимо, шок от того, что они оказались совсем не там, где ожидали себя обнаружить, был слишком велик. Надо бы их окликнуть, сообразил Олег. Хоть бы козлобородый сдуру не схватился за автомат и не попотчевал меня очередью. С них, непонятно как зачарованных, станется: хлоп — и нет спасителя.

Музыкант нацепил слуховой аппарат — на него тотчас же нахлынула волна звуков — и, не высовываясь из окна, громко крикнул:

— Эй! Эй, вы там, на улице! Свои, не стреляйте!

На улице перед зданием, в котором располагался Штаб, было малолюдно. Здесь селились редко, зато в казармах поблизости располагалась смена быстрого реагирования. К тому же штабисты предусмотрительно устроились подальше от «серой зоны» и поближе к складам.

На крыльце Штаба топтался нестарый еще мужик в наглухо застегнутой темно-зеленой камуфляжной куртке с поднятым воротником. Сентябрь выдался нежарким, и, похоже, ветер пришелся часовому не по нутру. Слева куртку украшал металлический значок без изображения, зато с него свисало три серых плетеных нитяных косички — знак того, что владелец значка добыл три крысиных хвоста. Обычно такие нехитрые медальки таскала молодежь — нитяные косички на значки им плели девчонки, — а часовому было всяко за тридцать. Вполне возможно, у него была молоденькая любовница.

Глухой снайпер помнил, как появился этот чудной обычай. Два года назад Штаб изготовил замечательную патриотическую листовку. На ней красовалась отвратительная крыса, извергающая на свет потомство. Над крысой тянулась надпись: «Человек! Крысы размножаются гораздо быстрее тебя. Чтобы выжить, ты должен убить не меньше десятка тварей». Листовки уже ушли в прошлое. Их, изначально заляпавших большую часть «нашей террито-

рии», истрепали ветра да измочалили дожди. А обычай отсчитывать «десятку» остался. Сам Олег в эти игры не играл. Он честно оправдал не только свое существование, но и жизнь еще трех-четырех человек. И это если считать только подтвержденные хвосты. Но тем не менее к обычаю относился с пониманием. Когда-то — звездочки на фюзеляжах, теперь — серые нитяные хвостики. Все-таки жизнь меняется. Новая жизнь — новые традиции, ничего не поделаешь.

Музыкант на крыльце перекинулся парой слов с часовым, показал на всякий случай пропуск и вошел в прокуренное помещение Штаба.

— Я знаю, куда пропадают люди.

Сразу несколько голов повернулись к нему. Он был знаком со всеми, кто сидел вокруг старого стола, густо заваленного картами и папками с бумагами, — Доцентом, Вась-Палычем, Бой-бабой и другими членами Штаба. Со всеми, кроме одного — молодого белобрысого парнишки в великоватом ему черном пальто. Именно этот, незнакомый, повернулся первым, с неприкрытым, жадным интересом на лице. Большинство глядело на Олега, как будто заранее знало: ну, сейчас ляпнет что-нибудь эдакое, такое сморозит, что хоть стой, хоть падай, хоть за животики держись.

Он даже расслышал, как Вась-Палыч, краснолицый, с пшеничными густыми усами, пихнув незнакомого парнишку локтем в бок, шепчет:

— Это вот и есть Музыкант. Вечно у него всякие… идеи завиральные. Но стрелок — дай бог каждому.

Музыкант устало вздохнул и швырнул поперек карты подземных коммуникаций Октябрьского района два голых крысиных хвоста (не удержался от соблазна прихватить трофей — вернулся все-таки на обратном пути к лодке, покачивавшейся на мелкой прибрежной волне у мостовой опоры).

— Людей уводит крыса, играющая на флейте. Только что я спас троих.

Все разочарованно переглянулись. Музыкант вновь расслышал шепот:

— Кажется, у него крыша свихнулась окончательно. Все, ребята, трындец.

— Ага, — так же, шепотом, отозвался Доцент, поправляя интеллигентские очочки с золоченой оправой, благодаря которым он и заработал свое прозвище, — может, ему и винтовку больше не давать? Совсем сбрендит — начнет еще по своим палить.

Как хорошо, подумал Музыкант, что я приучил их к своей глухоте. Они знают, что слышу я плохо. Да что там плохо, паршиво я слышу — так, с пятого на десятое, даже со слуховым аппаратом. Но можно же еще по губам… И вообще порой мне кажется, что я уже и мысли читать навострился. Он представил, как сейчас смотрится со стороны — он, ворвавшийся без разрешения в комнату, где собрались те, благодаря которым Город, вернее, та часть, которая принадлежала людям, все еще функционирует: заляпанные рыжей осенней грязью ботинки, выцветшие и обтрепавшиеся понизу до индейской бахромы джинсы, пухлая куртка, отороченная мехом, длинные светлые волосы, как попало схваченные в неаккуратный хвост, больше похожий на помело, — лишь бы в глаза не вовремя не полезли. На правом ухе белая дужка слухового аппарата, за плечом — винтовка: без этих двух вещей он давно уже себя не мыслил. Наверное, выгляжу недостаточно респектабельно, подумал снайпер.

— А ее хвост ты принес? — спросил Вась-Палыч. — Вместе с флейтой?

Кто-то тихо засмеялся. Доцент задумчиво снял очки и почесал переносицу.

— Ну как хотите, — развел руками Олег, проигнорировав вопрос. — Хотите — верьте, хотите — нет. Но только это крыса, она играет на флейте и ведет за собой всех, кто слышит ее музыку. А я, как вы знаете, глухой. Спросите у Козычева, как все случилось. Да, кстати: попросите уборщицу хвосты прибрать.

С этими словами он развернулся и вышел из тесного, жаркого Штаба в честную прохладу сентябрьского вечера.

Незнакомый парень в черном пальто догнал Олега, когда тот отошел от Штаба на пару кварталов. Сначала Музыкант услышал торопливые шаги, а затем его окликнули:

— Олег! Подождите!

Позже Музыкант понял, что именно это обращение на «вы» особенно удивило его и заставило остановиться. Катастрофа сплотила выживших людей, и многие формальности были позабыты. На «вы» теперь чаще обращались разве что к старшим, и то не всегда.

— Постойте, Олег! — окликнули его еще раз.

Снайпер замедлил шаг. Остановился. Обернулся. И увидел худого парня, с которым в Штабе переговаривался Вась-Палыч.

— Ну, что еще? — неприязненно спросил Музыкант.

— Поговорить хочу, — объяснил догнавший. — Меня Денис зовут. Денис Гладков.

Какая-то знакомая фамилия, мельком подумал Олег, а Денис протянул руку.

Музыкант на рукопожатие не ответил, и узкая ладонь парня неловко повисла в воздухе.

— А почему в Штабе говорить не стал?

Снайпер сознательно проигнорировал «вы» Дениса.

— Там народу слишком много. Не люблю, когда много. Люблю, когда тихо и один на один, — спокойно ответил Денис, продолжая держать на весу ладонь. — Ты руку-то пожми. Или скажи, что не будешь. Но тогда объясни почему. Я вроде бы перед тобой еще ничем не провинился.

Поколебавшись, Олег протянул-таки руку навстречу руке Дениса, отметив заодно, что тот очень быстро сменил «вы» на «ты». Парень выглядел слабаком, но его настойчивость делала ему честь. С другой стороны, слабаков среди тех, кто пережил Катастрофу, было не так уж много. Все знают один из основных законов природы: выживает сильнейший.

— Ну что, говорить на улице будем? — насмешливо поинтересовался Олег.

— Зачем? — пожал плечами Денис. — Пойдем к тебе. Пойдем ко мне. Выбирай.

Денис, как выяснилось, жил неподалеку. Через пять минут ходьбы они дошли до симпатичного двухэтажного коттеджа.

— До Катастрофы ты здесь жил? — неприязненно спросил Олег, не любивший, когда люди занимали чужие жилища. Сам он до знакомства с Иришкой обитал все в той же однокомнатной квартирке, где прожил шесть лет до Катастрофы. Когда у снайпера появилась постоянная женщина, они сменили жилище на трехкомнатную квартиру, и то она раньше принадлежала каким-то Иришкиным родственникам. Олегова спутница жизни несколько раз заводила разговор о том, что неплохо было бы задуматься о прибавлении в семействе, чтобы не пустовали комнаты, но всякий раз Олег возражал. Не те времена, говорил он, чтобы детей заводить. К тому же он совершенно не представлял себя в роли отца.

— Недоволен? Осуждаешь? Нет, не здесь. Но хозяева умерли. Им этот дом уже не нужен. Знаешь, кто здесь жил раньше?

— Кто?

— Леха Петля. Помнишь такого?

Леху Петлю Музыкант очень хорошо помнил. Один из вожаков возникших после Катастрофы банд. Приземистый, нахрапистый, похожий на вставшего на дыбы кабана. Такой же опасный. Про Леху Петлю стоило сказать, что он не умер. Честнее было бы говорить, что он был убит. Застрелен. Некоторые утверждали, что именно пуля Музыканта однажды оборвала жизнь братковского авторитета. Правду знал только Олег и особо о ней не распространялся.

— Согласен со мной, что Леха за своей жилплощадью не вернется?

— Согласен.

— Вот и хорошо.

Денис щелкнул замком и пропустил гостя вперед. Олег скинул в прихожей куртку, прислонил в угол винтовку. Хозяин прошел в комнату, завозился у камина. Несмотря на то что внутри было темно, он, похоже, прекрасно ориентировался. Снайпер окинул комнату взглядом, не удержавшись, щелкнул языком: неплохо парень устроился.

Мебель была подобрана по принципу основательности. Шкафы вдоль дальней стены своей массивностью невольно внушали почтение. Низенький стол с короткими толстыми ножками устроился посреди комнаты. Кресла, стать которых сделала бы честь семейству бегемотов, сгрудились в углу. Тяжелые портьеры из вишневого бархата закрывали окна, не пропуская в комнату ни лучика солнечного света. Олег бухнулся в одно из кресел, принявшее его мягко, без единого скрипа.

Неторопливо, с достоинством занялись дрова. Похоже, обстоятельности и солидности они учились у мебели.

Денис, сидевший на корточках у камина, обернулся и посмотрел на Музыканта снизу вверх:

— Сейчас будет светлее. Просто я не очень люблю солнце. Сильно темно?

— Нет, мне нормально. Я же глухой, помнишь? А у нас, инвалидов, все просто: в одном месте убыло — в другом прибыло. Я вот в темноте неплохо вижу.

О своем неожиданно прорезавшемся чутье Олег упоминать не стал. Мало ли: сегодня есть, а завтра нет. И вообще как объяснить то, что он ощущает, человеку, полностью лишенному чего-либо подобного?

Пламя затрещало веселее, языки потянулись выше, дрожащий оранжевый свет разогнал темноту. Денис встал, подошел к шкафу, завозился в его недрах, чем-то звеня, переставляя что-то с места на место.

— Музыкант, тебе чаю или кофе? Или чего покрепче?

— Кофе. И от коньяка не откажусь. У тебя ведь наверняка есть?

— Коньяк-то? — тихо усмехнулся Денис. — Водится. А кофе только растворимый, извини. Сам варить не умею. И чайник вон там, дотянись, включи. Хочешь — музыку заведу.

— А что у тебя есть? Учти, попсню и блатняк я не слушаю. Хотя, конечно, хозяин — барин. Но если ты хочешь меня развлечь…

— Что ты! Никакого блатняка. Хотя, скажу тебе, после Лехи Петли тут та еще коллекция осталась. Я ее сохранил на память. Миха Лысый, Васяня с зоны и все в таком духе. Давай что-нибудь поинтереснее поставлю. «Юрай хип» пойдет?

— Пойдет, — с некоторым удивлением согласился снайпер.

Если честно, Денис ему не очень-то и нравился. Но за коньяк и приличную музыку он многое готов был ему простить. Даже странное обращение на «вы». Даже то, что тот явно набивался ему в приятели.

Денис включил проигрыватель. Из динамика ударили первые тугие аккорды. Музыкант разве что не зажмурился от удовольствия, услышав знакомые звуки.

«Солнце встает, и новый день пробивается сквозь, — выводил волшебный голос Дэвида Байрона, — утро нового дня, в котором тебя нет».

Слушая то, как он поет, легко было представить себе зачарованный лес, населенный демонами, волшебниками и единорогами. По тропинке среди деревьев, сплетавшихся в непроницаемый для солнечного света полог, ехал рыцарь, отправившийся спасать принцессу. Он знал, что дракон, с которым предстояло сразиться, невероятно силен, но точно так же он твердо верил: ничто не остановит чистого сердцем. И абсолютно наплевать было, что Байрон умер, как настоящий рок-н-ролльщик семидесятых: он был еще молод, но успел наиграться с наркотиками и выпивкой, успел стать знаменитым, а потом точно так же быстро был забыт — и умер в пустой квартире, когда его внезапно настиг сердечный приступ. Его имя ничего не говорило некоторым уже тогда, когда легендарный вокалист был еще жив, зато остались песни.

«И пока катятся час за часом, некому здесь будет увидеть, как я плачу, — некому, кроме восхода, кроме восхода и тебя».

Да, кстати… Снайпер обвел комнату взглядом. Конечно, то, что любой мужчина обязательно генерирует вокруг себя беспорядок, это миф. И все-таки в доме не чувствовалось женщины. Обычно если мужчина живет не один, это хоть как-то да проявляется. А здесь — ни малейшего следа.

— Ты что, один живешь? — не удержался Олег от вопроса.

— Что? — не понял сначала Денис. — А, вот ты о чем. Да, личная жизнь не складывается.

Он отошел от камина, брякнул на стол две чашки, банку с кофе, вынул из шкафа початую бутылку коньяка. Олег тоже подошел к столу и взялся за приготовление напитка. Кофейный порошок смешался с сахаром, послушно принялся растворяться в кипятке, по поверхности закружилась бежевая пенка, затем в чашку щедро плеснулся коньячный янтарь — по комнате поплыл дивный аромат.

— Ну что? — первым заговорил Музыкант, возвращаясь в глубокое массивное кресло. — О чем ты хотел со мной поговорить?

— У меня накопилось много вопросов. И ни на один из них нет ответа. А мне это не нравится.

— Хорошо, — Олег откинулся на спинку кресла. — Задавай свои вопросы.

— Можно подумать, Музыкант, ты сможешь на них ответить.

— А если не смогу, то зачем ты меня позвал?

— Мало ли… Вдруг ты задумаешься. Подскажешь что-нибудь. Покажешь того, кто может знать хотя бы, в какой стороне ответ поискать.

— Любопытно. Ладно, что там тебя волнует?

— Смотри, — Денис развернул стул спинкой от себя, сел на него верхом, сложил руки на спинке стула, водрузил поверх худой подбородок и пристально взглянул на Олега. — После Катастрофы прошло четыре года. Так?

— Так.

— Мы навели порядок в Городе. Мы не выигрываем войну с крысами, но и не проигрываем ее. У нас пока что хватает продуктов. Мы сохранили неплохие запасы бензина. У нас даже есть электричество. И телефон работает. Иногда. Так?

— Так-так. К чему ты клонишь?

Музыкант откровенно не понимал, чего хочет добиться от него этот странный Денис.

— К тому, что нам пора бы заняться решением других проблем.

— Каких?

— Да ты что, не понимаешь?! Музыкант, нельзя постоянно топтаться на одном месте. Вокруг нас — десятки, если не сотни, разных «почему». Почему произошла Катастрофа? Почему не работает радиосвязь? Почему ни одна группа, вышедшая из Города на разведку, не вернулась? Почему до сих пор никто не добрался до нас? Почему мутировали крысы?

— А, вот ты о чем.

Олег вспомнил, как заходил в гости к Сверзину, у которого на кухне — почему-то по какой-то давней, непонятной Олегу традиции именно на кухне — постоянно собирались люди, которых мучили те же вопросы, что и Дениса. Обычно дальше плетения умных словес дело не шло.

— Остынь, Денис, — сказал Музыкант, прихлебывая вкусный ароматный кофе. — Ты не найдешь ответов на эти вопросы. Только голову о стену расшибешь.

— Ну и что? Человечество так и двигалось вперед, Олег. Люди бились головами о стены. Большинство из них расшибало лбы в кровь и оставалось ни с чем. А потом находился кто-то, кто обнаруживал именно то место, о которое нужно биться головой особым образом. И

он пробивал дыру. Человечество лезло за ним — и так до следующей стены. Жизнь — это движение, Музыкант. Нельзя стоять на месте.

Байрон тем временем уже запел про то, что она пришла к нему однажды утром, однажды одиноким воскресным утром. Олег и сам не заметил поначалу, что пальцы его отстукивают по подлокотнику кресла давно знакомый ритм.

— Хорошо, — медленно сказал он, перестав барабанить и глядя собеседнику в глаза. — Я сегодня видел крысу. Она играла на флейте и вела за собой зачарованных музыкой людей. Ты веришь мне?

Денис не моргнув встретил вопрошающий взгляд Олега. Задумчиво нарисовал в воздухе полупустой чашкой хитрый узор, слегка кивая в такт «Леди в черном», лившейся из динамиков.

— Да. Нет. Не знаю. Мне над этим нужно еще подумать. Но Вась-Палыч много мне про тебя рассказывал, и в одном я уверен точно: тебе незачем врать.

— Да? — усмехнулся Музыкант. — Не считай меня каким-то слишком уж особенным, парень. Я не хуже многих других. Но и не лучше, это факт. Только хорошие умирают молодыми.

— Что ты сказал?

В вопросе Дениса звучала искренняя заинтересованность.

— Только хорошие умирают молодыми. Присказка у меня такая. Это…

— Это песня, да?

— Точно. — Теперь и Олег по-новому посмотрел на Дениса. — Это «Айрон мэйден». Я ими до Катастрофы заслушивался.

— «Мэйден» — вещь. Надеюсь, Музыкант, у нас найдется еще что-нибудь общее. Музыку-то мы с тобой, похоже, почти одну и ту же слушаем… — Денис вздохнул. — Мне кажется, что с тобой что-то должно быть связано.

— Что? — удивился снайпер.

— Пока не знаю. Но о тебе очень много говорят, ты об этом в курсе?

— Конечно. — Музыкант пренебрежительно отмахнулся. — Много. Всякого. Музыкант то. Музыкант се. Я слышал, будто бы я умею читать мысли. Ходить сквозь стены. Что я умею разговаривать с пулями. Что я бессмертен. Что я — не то реинкарнация Иисуса, не то сам Антихрист. Вот. Выбирай по вкусу.

— Я не о том. Это все треп. Словесный мусор. Новому обществу нужна новая мифология. Если наши потомки одичают и станут зверями, закутанными в шкуры, они сохранят легенды о глухом боге с волшебным оружием, поражающим врага на расстоянии. Но согласись, что ты и на самом деле особенный. Вот поэтому я и хочу поговорить с тобой. И еще… кое с какими людьми. Штаб, Музыкант, хорош, пока он решает текущие задачи. Но Штаб не сможет дать нам стратегии.

— Значит, ты против Штаба? — прямо рубанул Музыкант.

— Нет, почему же. Просто однажды его время кончится. И лучше бы, если бы к тому моменту были люди, которые имеют хоть какое-то видение ситуации.

— Ну, — расслабился Олег, поняв, что его не зовут участвовать в перевороте, — я на эту роль не гожусь. С видением ситуации у меня всегда было плохо. Разве что когда я вижу эту ситуацию через оптический прицел. Ты мне вот что скажи: а почему тебе Вась-Палыч что-то про меня рассказывал?

— А… — Денис покачался на стуле туда-сюда. — Он мой отец.

— Вот как?

Членов Штаба редко называли по фамилиям — вот Музыкант сразу и не сообразил, почему фамилия Дениса показалась ему знакомой. Значит, сынок Вась-Палыча? Так-так. По внешнему виду и не скажешь. Тот плотный, с румяным круглым лицом, слегка переваливаю-

щимся через ремень брюшком, истребить которое не смогли даже тяготы Катастрофы. Сын же — какой-то субтильный, с тонкими артистическими пальцами, наверняка до Катастрофы его папа с мамой отправляли учиться играть на скрипке или пианино. И ни малейшего намека на знаменитые вась-палычевские усы. Честно говоря, лучше бы отцом Дениса оказался кто-нибудь другой. Штабист с пшеничными усами Музыканта недолюбливал и при каждой встрече это демонстрировал. Снайпер платил ему той же монетой. Другое дело — Доцент. Но там ведь действительно другое дело. Ладно, не будем об этом, мысленно сказал себе Олег.

— А ты что думал? У лидеров детей не бывает? Он не прочь пристроить меня в Штаб. По праву наследования. — Денис улыбнулся. — Кое-кто «против». Кое-кто «за». Все как всегда.

— Ну ладно, — Снайпер встал. — Пойду я, наверное. Вроде познакомились. Поговорили немножко — и хватит. Устал я, Денис. Тяжелый день выдался.

Денис, казалось, был вполне удовлетворен и коротким разговором, и тем объяснением, что дал Олег своему уходу.

— Согласен, — сказал он. — Главное — познакомились. Я бы хотел, чтобы мы стали друзьями, Музыкант.

— Да? — Олег изучающе посмотрел на Дениса. — Тогда зови меня по имени, что ли… приятель.

Однако, покинув дом новообретенного знакомого, Олег не отправился домой отдыхать. Сказав Денису, будто он устал, снайпер ничуть его не обманывал. Но в Музыканте вспыхнул какой-то потаенный азарт. Ему вдруг захотелось еще покопаться в истории с таинственной крысой. Поэтому от бывшего коттеджа Лехи Петли Музыкант отправился не в сторону проспекта Мира, где он жил, а свернул на Зареченскую и, пройдя пару кварталов, пересек площадь Труда и поднялся на четвертый этаж обычной панельной девятиэтажки.

Олег не успел еще поднять руку к кнопке звонка, как дверь распахнулась. На пороге стоял грузный седой мужчина в мятых домашних брюках и клетчатой рубахе навыпуск, небрежно застегнутой на случайно угодившие под пальцы две пуговицы.

— Ну заходи. — Хозяин кивнул в знак приветствия.

— Ты что, Данил Сергеевич, мысли читаешь? Я и позвонить-то не успел, а ты уже у дверей.

— Да нет. Просто увидел с балкона, как ты по площади топаешь. Ну, думаю, Олег ко мне собрался, не иначе. К кому ему сейчас еще идти, как не к Кравченко. Кстати, я уже в курсе твоих новых россказней.

— Быстро ты.

Снайпер, не разуваясь, прошел в комнату, сел на край потертого дивана, укрытого грубым пледом в зеленую и черную клетку. Кравченко, пропустив гостя вперед, уселся на скрипнувший под его немалым весом стул.

— Ну, рассказывай, — велел он.

— Что рассказывать? Ты же говоришь, что уже в курсе.

— Это я от других людей в курсе. Теперь хочу тебя послушать.

Снайпер коротко пересказал все, что с ним случилось сегодня. Про двух крысюков в лодке. Про человеколова с флейтой. О том, как покорно шли за ним люди. О том, как — редкий случай — он промахнулся, стреляя в крысу-флейтиста. Он умолчал лишь о непонятном таинственном чутье, которое вдруг проснулось в нем.

— Спасенные тобой люди ничего не подтвердили, — сказал Кравченко, выслушав его рассказ.

— И не опровергли.

— И не опровергли. — Хозяин, соглашаясь, важно покивал седой головой. — Но, как ты догадываешься, в расчет берется первое.

— Они и не могли подтвердить. Крыса их заколдовала, — упрямо сказал Музыкант.

Кравченко тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула, сцепив руки на затылке. Стул опять заскрипел. Снайпер вспомнил, как совсем недавно хозяин квартиры жаловался ему, что стулья приходится часто менять: не выносит хлипкая мебель его манеры сидения.

— Ну что мне с тобой делать? — спросил он. — Олег, ты говоришь вещи, в которые очень трудно поверить. При этом «очень трудно» — это еще мягко сказано.

Музыкант тоже вздохнул:

— Десяток лет назад, Данил Сергеевич, вряд ли кто поверил бы, что нам придется воевать с крысами в рост человека. С крысами, которые навострились строить блиндажи и ловко шмалять из автоматов. Что на это скажешь?

— Скажу, что разница есть. Крыс с автоматами мы видим каждый день. Это давно стало привычным. А вот крысы с флейтами, зачаровывающие людей с помощью музыки, — это уже граничит с бредом.

— Ты мне не веришь? — прямо спросил Музыкант.

— Не знаю, Олег. Не знаю. Я готов поверить, если ты мне покажешь такую крысу.

— Извини, Данил Сергеевич. — Музыкант соскочил с дивана и принялся застегивать куртку. — Я не умею вызывать крыс с флейтами по заказу. Более того, скажу тебе: если я ее увижу, то сначала буду стрелять и только потом позову тебя посмотреть. Мало ли какую музыку она сыграет тебе, пока будет жива.

— Знаешь, что мне в тебе не нравится, Олег? — прямо спросил Кравченко.

— Не знаю. Но ты скажи, а я послушаю.

— Ты приходишь к людям за ответами на твои вопросы. Но люди не могут тебе помочь, потому что твои вопросы — они слишком твои, в них слишком много тебя. Ты сам на них отвечать должен, а не другие. Но когда человек не может тебе помочь, ты на него обижаешься. Вместо того чтобы покопаться в себе и выудить ответ.

— Вот как? Значит, я сам должен искать ответ на свой вопрос, да не где-нибудь, а в себе? — Музыкант порывисто вскочил. — Не буду больше тебе мешать, Данил Сергеевич. Домой пойду.

Кравченко не стал задерживать Музыканта. Лишь когда тот подошел к двери, он окликнул глухого снайпера:

— Опять обиделся, Олег? Именно об этом я тебе сейчас и говорил. Ты надеялся, что у меня есть какие-нибудь тузы в рукаве, про которые ты не в курсе, но которые обязательно тебе помогут?

Вопрос в спину не остановил Музыканта. Тот только коротко мотнул головой — нет, мол, не обиделся, да и не надеялся — и вышел из квартиры.

Кравченко еще долго сидел у окна, глядя в наплывающую на Город ночь, и думал: все ли правильно он сказал? Он давно знал Олега, в отличие от многих, понимал, что Музыкант, хоть и сам себе на уме, не станет откровенно врать или выдумывать лишь для того, чтобы набить себе цену.

Впрочем, цена ему и так немаленькая: один из лучших снайперов Города. Опять-таки куда-то ведь люди пропадали? Пропадали, факт. К тому же, как ему рассказали, Козычев подтвердил, что в течение примерно двадцати минут он и оба его подчиненных находились в каком-то загадочном трансе и пришли в себя, только когда услышали выстрелы, а затем — окрик Олега. Чертовщина. Бесовщина. Дьявольщина.

Но что же тогда выходит? Значит, была крыса? Крыса с флейтой, танцующая посреди тротуара и управляющая вереницей зачарованных людей? И что теперь делать? Как быть? Одного Музыканта не хватит, чтобы прикрыть все посты. Или ставить в караулы только глухих? А если это и правда какая-нибудь граничащая со сверхъестественным хрень, то вручать каждому

перед дежурством пузырек со святой водой? Вот уж действительно нет ничего страшнее, чем непонятное.

Тьфу ты. Была крыса. Или не было крысы. Была галлюцинация. Был бред. Было откровенное вранье. Вот сколько вариантов — выбирай, не хочу. Но лишь один из них правильный.

Проклятье! Он, что ли, самый крайний? Есть Штаб, они там думают, что умнее нет никого, — пусть теперь и отдуваются. Кравченко убрал руки с затылка, потянулся затекшим от долгого сидения в кресле телом, хрустнул пальцами. И пошел наконец спать.

Глава 2. Немного воспоминаний

Музыкант вышел от Кравченко и потихоньку побрел домой. На улицах не было ни души. Впрочем, неудивительно. После Катастрофы выжило не так уж мало народу, но ее последствия оказались тяжелыми. Полное отсутствие вменяемой администрации, войны банд, недостаток продовольствия, отсутствие тепла зимой, неработающие больницы — список можно продолжать. А в довершение всего — крысы в рост человека, которые каким-то чудовищным, не поддающимся воображению образом научились брать и держать в руках предметы. Работать ими. И не последним в списке этих предметов оказалось оружие.

Кравченко, к которому Олег пошел поговорить буквально наудачу после непонятной беседы с Денисом — а ну да подкинет умную мысль не самый глупый в Городе мужик, — уже два года был откровенно никем. Просто городской житель, который, как и все прочие, по четкому графику ходил на общественные работы и привлекался к службе на постах, цепочкой протянувшихся вдоль порубежья, отделявшего «наш город» от «серой зоны». Но до этого времени Данил Сергеевич был лидером одной из банд. Впрочем, бандой это трудно назвать: сбились в кучу бывшие спортсмены, бывшие менты, бывшие сотрудники охранных контор… Им тоже хотелось выжить и спасти близких людей… Да, дрались, стреляли, насмерть бились за драгоценные запасы горючего и еды. Отвоевывали у конкурентов заправки, захватывали оставшиеся неразграбленными магазины и без суда вешали захваченных с поличным мародеров на фонарных столбах. А что им оставалось делать? Еды и бензина не хватало на всех. Или, быть может, хватило бы, если бы все сразу собрались, договорились и готовы были делиться. Но чтобы много людей поняло друг друга сразу и согласилось поступиться своими интересами во имя выживания общества — такое ожидалось только при коммунизме, а его наступление было для многих гораздо менее вероятным, чем, например, Второе Пришествие. И банда Кравченко, по сути, была всего лишь структурой, которая хоть как-то старалась наладить жизнь на контролируемой территории. А что методы не отличались гуманностью — так на фоне братков Лехи Петли или помешанной на вдруг проснувшихся и будоражащих кровь идеях цыганского национального превосходства общине Бешеного Барона Кравченко с его ребятами смотрелись почти что ангелами: ведь даже ангелы, даром что крылатые вестники, не гнушались таскать мечи.

Именно Данил Сергеевич, бывший до Катастрофы милицейским капитаном, сыграл немалую роль в том, чтобы те банды, предводители которых хоть как-то походили на людей и старались вести себя по-человечески, собрались вместе и объединились. А что? Любая власть в далеком-далеком прошлом произошла от какой-нибудь банды, вожак которой вовремя понял, что резать всех без разбору — это неправильно. От пуль кравченковских ребят отправились на тот свет и Леха Петля, и Бешеный Барон, и безумный проповедник Иоанн Добропас (которого, говорят, до Катастрофы собратья-бомжи звали попросту Ванька Жаба), провозгласивший наступление Царства Божьего на земле и причащавший своих апостолов собственным мясом, и многие другие, кто не соглашается поступиться своими интересами в пользу общего блага. А затем как-то так вышло, что власть над «нашим городом» постепенно перешла в руки Штаба, который составили люди, бывшие в «цивилизованных бандах» на вторых ролях, эдакими «серыми кардиналами». Штабистов никто не выбирал — они сами назначили себя для координации усилий тех, кто остался в живых. Они не проводили никаких репрессий, казнили только по суду и только тех, чьи преступления были настоящими преступлениями, а не проявлениями диссидентства, хотя злые языки и поговаривали порой, что недовольный ростом влияния Штаба Вовчик Каратаев, бывший до Катастрофы одним из лидеров городских байкеров, а после возглавивший выживших моторокеров, не пропал без вести, а нарвался на пулю

по приказу кого-то из штабистов. Как бы то ни было на самом деле, Штаб был вполне похож на вменяемую администрацию, и в какой-то момент Кравченко ушел сам.

Почему Олег пошел именно к Кравченко? Да просто потому, что Данил Сергеевич и его ребята вытащили Музыканта буквально с того света. Можно сказать, с самого порога ада выдернули. Это случилось через три месяца после Катастрофы, когда пришла зима и холода косили людей, которые не знали, что делать в панельных многоэтажках, лишенных привычного отопления. Примитивные печурки, с которыми горожане в массе своей правильно обращаться не умели, становились причиной пожаров, и квартиры выгорали одна за другой. Не хватало еды. Апостолы Ваньки Жабы бродили по улицам, хватая неосторожных прохожих, и, говорят, скармливали их сдвинувшимся от принудительных медитаций и постов прихожанам. Тем, кто спасался от рук религиозных фанатиков, приходилось беречься цыган, которые, словно в апокалиптическом сне, разъезжали по городу на грузовиках, сжигая остатки драгоценного бензина, и стреляли в каждого, в ком не признавали сородича, — а таких, естественно, было подавляющее большинство. Городская администрация кое-как контролировала центр города, постепенно теряя всякое представление о том, что происходит на окраинах.

Кравченко тогда сколотил костяк своей банды, установил в ней жесткую и даже жестокую дисциплину и принялся методично насаждать добро и защищать человечность автоматным огнем и взрывами гранат. Людоеды, националисты всех мастей, обычные мародеры — все признавались врагами, с которыми нечего было церемониться. Во время одной из операций они и нашли Олега.

Проблемы со слухом у Музыканта начались еще перед Катастрофой. Конечно, его пытались лечить, но никакие старания врачей не давали толку. А потом мир перевернулся вверх тормашками, и стало не до этого. Отец Олега, занимавший высокий пост в городской администрации, из кожи вон лез и пытался порваться на много маленьких лидеров, чтобы везде поспеть и спасти еще кого-нибудь. Дома он почти не появлялся. Потом заболела мать. В конце концов вышло так, что предоставленный сам себе юноша, к тому времени совсем уже оглохший (повлияла ли на это Катастрофа или Музыкант лишился слуха из-за того, что его больше не лечили, теперь никто уже не скажет), январским вечером пошел на раздачу бесплатной еды. И на обратном пути, когда до родного дома оставалось рукой подать, его прихватила шайка, промышлявшая тем, что отбирала продукты у одиночек вроде Олега.

Двое сытых и здоровых розоволицых мужиков в добротных полушубках, туго перепоясанных армейскими ремнями, преградили ему дорогу. Будущий снайпер и дернуться не успел, как сзади из вечернего сумрака возникли еще двое.

— Ну что, — сказал один, похлопывая себя по ладони бейсбольной битой, — сам хавку отдашь или тебя придется по-плохому просить?

Олег попятился, пока не уперся спиной в бетонный забор, ограждавший место начатой незадолго до Катастрофы стройки. Четверо грабителей не препятствовали ему — они отлично понимали, что жертва никуда не денется. Сказать честно, им даже не сильно интересно было отобрать у парня жалкий пакет с булкой хлеба и парой банок консервов. У них выдался удачный день, и сытые розоволицые ребята могли себе позволить роскошь бросить охоту и вернуться в логово. Но оставаться на улице их заставляло желание покуражиться, и одинокий парнишка показался четверке вполне подходящей кандидатурой.

Олег почувствовал плечом забор и понял, что отступать некуда. Драться он не хотел и не умел. Это потом он станет не знающим промаха снайпером, полулегендарным Музыкантом, о котором ходят самые разные слухи, один другого причудливее, жизнь заставит его крутиться, уметь сжимать кулаки и быстро и точно вколачивать их в противника. Пока что все было не так — обычный домашний мальчик, недоучившийся студент, последний раз дравшийся в третьем классе, столкнулся с тренированной сворой псов, мечтающих о крови.

Бита в руках говорливого неторопливо поднималась, пока не уперлась Олегу в пах. Остальные трое одобрительно ухмылялись, выстроившись полукругом за его спиной.

— Эй, мудила. — В голосе грабителя звучали ласковые нотки. — Ты что, язык проглотил? Гони сюда пакет, пока я тебе не сделал яйца всмятку.

Олег мертвой хваткой вцепился в пакет. Он не знал, что делать, но одно понимал точно: с едой он не расстанется. Сначала даже испуга не было, потому что он не верил, будто с ним может произойти что-то по-настоящему страшное, а через мгновение его накрыло волной ужаса, да так, что всю волю пришлось сгрести в кулак, чтобы удержать себя на ногах.

— Ну вот, ребята, — пожаловался стоящий перед Олегом мужик, — не хочет он по-хорошему. Да, сучонок?

Бита ткнулась вперед, заставив Олега судорожно охнуть и скрючиться, прикрывая руками пах. Тут же он взвыл от боли, тряся ушибленной ладонью.

— Смирно стоять, падла! — гаркнул кто-то из стоявшей поодаль троицы.

Издевавшийся над жертвой грабитель лениво описал битой полукруг и ударил парня по запястью, на котором висел пакет с едой. Как выяснилось потом, кость хоть и не сломалась, но треснула. От этого удара Олег упал на колени, перехватив разбитое запястье ладонью. Он снизу вверх посмотрел на своих мучителей бешеными глазами и даже попытался вскочить и броситься на них, но новый удар — на этот раз в плечо — швырнул его в снег.

Грабители могли спокойно снять с его руки злосчастный пакет с консервами и хлебом и спокойно уйти. Но им хотелось растянуть развлечение, увидеть, как мальчишка, размазывая по щекам слезы и сопли, сам протянет им добычу. Только Олег почему-то этого не делал. Значит, нужно продолжать.

Бита приблизилась к лицу, легонько погладила Олега по щеке. Он мотнул головой, от неловкого резкого движения упала шапка, ветер подхватил длинные волосы.

— О, да он еще и чмо патлатое, — обрадованно заявил один из четверки. — Ну, таких, как он, сам бог велел давить. Все равно все они пидоры.

Сам ты пидор, хотел ответить Олег, но тяжелый ботинок наступил на кисть руки, вдавливая ее в снег, и парень прикусил губу, чтобы не закричать. Тонкая струйка ярко-малиновой крови потекла по подбородку. Больно… Чертовски больно… Хрен вам, тихо прошептал он. Вот хрен вам, и все тут. Убивайте, если вам так этого хочется. Но кричать я не буду, не дождетесь. Гордый я, если вы еще не поняли. И бесплатную пайку вы заберете только у мертвого.

Грабитель ворочал носком ботинка, стараясь заставить Олега вопить от боли, но кисть лежала на снегу, а на ней была толстая перчатка, и пока что можно было терпеть.

— Упрямый, тварь, — бросил кто-то. — Ну что, давайте ему кости переломаем, что ли? С пальцев начнем… Эй, Колян, ты с него перчатку скинь да на голой руке попрыгай.

— Точно-точно, — прошипел мучитель Олега. — Я ему не только кости переломаю. Я ему хрен оторву и в рот запихаю. Я ему…

— Это, мужики, плохая идея, — прозвучал вдруг из-за спин подошедших поближе, чтобы не пропустить развлечения, грабителей чей-то голос.

Все четверо резко повернулись. Олег поднял голову.

Немного в стороне стоял человек лет пятидесяти, с обветренным красным лицом. Вмешавшийся, несмотря на морозец, был без шапки, и снег беспрепятственно опускался на седые волосы. Смотрел он на удивление спокойно, как будто собравшаяся вокруг распластанного на снегу парня четверка была ему совершенно не страшна.

— Шел бы ты своей дорогой, дядя, — посоветовал ему один из своры.

— А это моя дорога и есть, — ответил, жизнерадостно улыбаясь, странный мужчина.

Он держал руки в карманах, и Олег почему-то не сомневался, что хотя бы в одном из них прячется нечто, что придает седому такую непоколебимую внушительность.

— А вы на ней стоите, — добавил он. И вдруг, мгновенно изменив тон, рявкнул: — А ну пошли прочь, шакалы!

Двое из своры переглянулись и попятились.

— Эй, — подергал один из них Коляна за рукав. — Чего это он? Может, и правда того… Пойдем?

— Рехнулся, что ли? — брезгливо бросил тот, вырывая рукав из вцепившихся в полушубок пальцев. — Последний раз тебе говорю, дядя, вали отсюда.

Он демонстративно сплюнул на снег, поднял биту, перехватил ее поудобнее и медленным шагом, вразвалочку зашагал к седому. За ним потянулись остальные, на ходу выстраиваясь полукругом. Свора готовилась одновременно броситься на странного одиночку, посмевшего вмешаться в их развлечение.

Седой выждал, пока Колян подойдет поближе, а затем устало вздохнул, вынул из кармана пистолет и прострелил ему бедро. Грабитель с воем покатился по снегу, пятная кровью яркую снежную белизну. Он вцепился обеими руками в раненую ногу, бросив оружие.

— А я ведь предупреждал… — Ствол дернулся в сторону следующего из четверки, пистолет звонко хлопнул, еще один из неудачливых любителей покушаться на чужое рухнул на снег.

Оставшиеся мгновенно оценили положение дел, поняли, что все обернулось не в их пользу, и бросились бежать. Седой не стал в них стрелять, потому что на звуки выстрелов из-за угла забора, к которому недавно прижимался спиной Олег, выскочили несколько вооруженных людей в зимнем камуфляже. Они сноровисто похватали пытавшихся убежать грабителей и, заломив им руки за спину, подвели к тому месту, где валялись те, кого ранил седой.

Тот тем временем широким шагом подошел к лежавшему в снегу Олегу, присел над ним на корточки и осторожно похлопал его по плечу:

— Эй, парень, — позвал он, — ты как там?

— Хреново, — кое-как разодрав прокушенные губы, прошептал Олег. — Но не смертельно.

— Ну, это пока, — успокоил его седой. — Могло быть и хуже. Сейчас к тебе доктор подойдет — он отстал немножко, так что потерпи еще минут десять.

— Данил Сергеевич! — окликнул его один из людей в камуфляже. — А с этими, — он указал стволом автомата на сбившихся в кучу грабителей, — что делать? Как обычно?

— Как обычно, — жестко ответил седой, оказавшийся Данилом Сергеевичем. — Некогда нам рассусоливать. Расстреляйте на хрен.

Кто-то истошно взвыл, но точно рассчитанный пинок в живот заставил его сменить вой на протяжный стон.

— Вот так вот, парень, — сказал седой. — Не может сейчас старый Кравченко в гуманизм играть.

— Наконец-то! — воскликнула Иришка, когда Музыкант вернулся домой. — Ну, хоть отдохнешь.

Она ничего не сказала насчет его позднего возвращения. Знала — Олег не любит, когда ему говорят, что он задержался. Снайпер слишком ценил свободу и полагал любое покушение на собственное время попыткой посадить его на цепь. Иришка выжила после Катастрофы, хотя Катастрофа обрушилась на Город, когда ей было тринадцать лет, — а потому была не по годам мудра и отлично чувствовала настроение своего мужчины. Так что, несмотря на то что стрелки часов наперебой торопились отметить половину двенадцатого, она приветствовала Олега точно так же, словно не было никакой Катастрофы, по городу не ходили гигантские вооруженные крысы и он просто пришел домой после долгого рабочего дня где-нибудь в офисе.

Музыкант только кивнул и принялся раздеваться, машинально взглянув в зеркало. Оттуда на него посмотрел хмурый тип с покрасневшим от дувшего весь день ветра лицом и усталыми глазами. М-да, сказал он сам себе, что-то, дружок, ты неважно выглядишь.

— Есть будешь?

Олег кивнул еще раз.

Иришка задумчиво посмотрела на него.

— Похоже, — констатировала она, — все очень плохо.

— Что-то типа того, — подтвердил снайпер.

— Хороший мой…

Девушка подошла к Музыканту, легонько обняла за плечи. Он осторожно снял ее легкие ладошки со своих плеч.

— Только хорошие умирают молодыми, — ухмыльнулся Олег. — Так в одной песне пелось. Я, Иришка, уже не молод, так что хорошим меня, наверное, не назовешь.

— Песня была давно, а я есть сейчас, — упрямо возразила девушка. — Поэтому песня твоя дурацкая ошибается, а я говорю правду. Да и где ж ты не молод-то? Тоже мне старик нашелся. — Она фыркнула. — Так что иди лопать и заодно расскажешь мне, что там у тебя стряслось.

Аппетит так и не пришел. Снайпер наскоро ополоснулся в душе и теперь, сидя за кухонным столом, отрешенно пережевывал что-то горячее, что зачерпывал из глубокой тарелки, и не понимал, что ест. Потом спохватился, взглянул на сидящую перед ним Иришку:

— Спасибо, очень вкусно.

— Только врать не надо, — усмехнулась она. — Вижу ведь, не соображаешь, что жуешь. Тебе сейчас, наверное, насыпь сена — ты и его слопаешь. И скажешь, что вкусно.

С Иришкой ему повезло. Музыкант с трудом сходился с людьми, не говоря уже о том, что мало кто мог спокойно прожить с ним в четырех стенах квартиры. Он слишком много думал о себе и далеко не всегда думал о других. При этом его трудно было назвать эгоистом, потому что он не требовал от окружавших его людей, чтобы все их внимание было сосредоточено только на нем. Просто его интересы порой радикально расходились с тем, чего желали все прочие. Мало кто мог смириться с тем, что Музыкант способен в любой момент прервать разговор, не сказать ни слова похвалы или поддержки тогда, когда человек ожидал именно этого, уйти, не попрощавшись, и не сказать, когда вернется. Иногда ему казалось, что внимание друг к другу — это своего рода валюта, которой люди расплачиваются между собой. Но сам он почему-то нечасто принимал такую плату с благодарностью, да и всех остальных дарил ею чрезвычайно редко.

Девушка, с которой он сейчас жил, была сестрой Сережки Тайлакова, одного из тех редких людей, которых с натяжкой можно было назвать друзьями Олега. С Сережкой Музыкант стал общаться ближе, чем с другими, после одного разговора на кухне у Сверзина, вечная ему память. В тот вечер Олег долго слушал, сам не вмешиваясь в разговор, как невысокий неторопливый черноволосый парень медленно, будто кирпичи в стену, выкладывает собравшимся слово за словом. Слова, которые говорил он, ловко цеплялись друг за друга, превращались в убедительные конструкции. И они же безумно не соответствовали тому, что творилось на улицах. Музыкант нутром чуял, что за красивым плетением звуков кроется пустота. Ничто, из которого никогда не возникнет нечто. Очередные слова, которым никогда не стать делом. Просто парню хочется покрасоваться, показать прочим, какой он умный.

В конце концов, он вспылил. Выложил оторопевшему Сережке все, что думает о нем и о тех, кто умеет только языком чесать. Тайлаков едва не полез в драку. Олег, признаться, был не против. Он был вполне уверен в себе и хотя не считал, что сила или умение эффективно вывести из строя другого человека могут служить способом доказать свою правоту, полагал, что справится с этим словоблудом без особых проблем.

Драться им запретил Сверзин. Лев Федорыч у себя на кухне был непререкаемым авторитетом. На улице вы спокойно могли пройти мимо этого неприметного человека, вечно втягивавшего тощую шею в узкие плечи и озиравшегося по сторонам, как будто он отовсюду ждал опасности. Но за накрытым ностальгической клеенкой в цветочек столом Сверзин оказывался царем и богом.

— Олег, остынь, — негромко бросил он.

И Олег остыл. Что-то буркнул на прощание, быстро собрался и ушел.

Через пару дней, возвращаясь из порубежья, он отмечался на посту. К несчастью, там оказался Тайлаков. Олег чертовски устал, ему выпало полночи уходить от группы наседавших ему на пятки на удивление настырных крыс. Даже потеряв двоих в скоротечной перестрелке, крысы не желали сдаваться и мечтали во что бы то ни стало достать наглеца, решившего прощупать их линию обороны. Помотав их за собой, снайпер кое-как отвязался от погони. Гудели ноги, болел ушибленный бок, в голове свербела мысль о том, что пару раз его могли преспокойно пристрелить, и только тотальное неумение крыс попадать в цель — они всегда делали ставку на массовость и плотность огня — помогло ему добраться до своих.

И тут навстречу снайперу вышел недавний кухонный словоблуд и, словно ничего и не было, протянул руку и что-то сказал. Музыкант конечно же был без слухового аппарата. Махнув рукой — мол, подожди, — он нацепил его и услышал:

— Давай пропуск, герой.

Этот «герой» окончательно добил Олега. Потом уже он понял, что для Сережки это было нормой. Тайлаков язвил по поводу и без повода, нарываясь на неприятности, обижая людей, хотя искренне считал, что не говорит ничего, от чего стоило бы нервничать. Но Музыканта и в нормальном состоянии нельзя было назвать терпимым человеком. Тем утром, после ночной игры в кошки-мышки со смертью, он вновь высказал Тайлакову все, что думает о тех, кто стоит на посту в то время, когда он, Олег, рискуя жизнью, ведет с крысами настоящий бой.

Сережка озадаченно хмыкнул, выслушал Олегову тираду, ни разу не перебивая. А затем предложил ночному истребителю крыс встретиться ближе к вечеру, а еще лучше — на следующий день, когда они оба отдохнут. И вот тогда уже просто, по-мужски, один на один поговорить. Он назвал Олегу адрес, куда тому нужно было прийти. Музыкант отказываться не стал.

Снайпер пришел к Тайлакову под вечер. Сережка, как потом выяснилось, в отличие от многих, не сменил квартиру — так и жил с сестрой в двухкомнатной на углу улиц Московской и полузабытого революционного героя Щукина. Музыкант отворил кодовую когда-то дверь, неторопливо поднялся на второй этаж, насвистывая сквозь зубы простенький мотивчик, и ткнул пальцем в истертую до прозрачности матовую кнопку звонка. Тихое пиликанье привело к тому, что внутри квартиры зашлепали быстрые легкие шаги. Наверное, это его женщина, подумал Олег. Как-то неудобно при ней вести мужские разговоры…

И тут дверь распахнулась. На пороге стояла невысокая худенькая девушка лет шестнадцати. Она была одета в простой домашний халат и пушистые тапочки. Волосы собраны в незатейливый хвост. Зеленые глаза посмотрели на Олега.

— Я тебя знаю, — сказала она. — Слышала про тебя много. Ты — Музыкант. Мне брат сказал, что ты придешь.

— Брат? — переспросил Олег.

— Ну да. Сережка. Его вызвали срочно на пост, он просил передать тебе, чтобы ты подождал или попозже заглянул. Но лучше, — она смущенно улыбнулась, — ты бы зашел. Мне, если честно, скучно.

Значит, это его сестра.

Музыкант, бормоча что-то, зашел в квартиру, услышал, что можно не разуваться, и разуваться не стал. А девушка — («меня зовут Ира, а ты Олег, я слышала») — пробежала из комнаты в кухню, затем обратно, тонкой черной стрелкой мелькнула туда-сюда, ставя чайник,

предлагая какое-то варенье — сама варила, Сережка говорит, почти как у бабушки, сама-то я бабушку плохо помню, — и Музыкант понял, что драться с братом этого невероятного чуда он не будет ни за что и никогда.

Они просидели за чаем не меньше часа, когда пришел Тайлаков. Бухнул дверью, нарочито громко, чтобы все в квартире слышали, так же преувеличенно громко ворча, стянул сапоги.

— Ты же сказала, что можно не разуваться? — Олег смущенно посмотрел на свои заляпанные мутной дождевой водой ботинки.

— Да брось ты, — всплеснула она тонкими руками, — ты же гость.

Олег поднялся с уютного полосатого дивана, вышел навстречу Тайлакову. Тот ждал его молча, набычившись.

— Вы чего, мальчики? — спросила Ира.

И Музыкант понял, что Тайлаков не сказал ей ни слова о том, зачем придет Музыкант.

— Вы что, поссорились? — бессильно спросила девушка. — Ну не надо, ребята, давайте я еще чаю поставлю, вы поговорите…

И тогда Олег, пересилив себя, шагнул вперед, протянул ставшую неожиданно чужой и оттого непривычно тяжелой руку и сказал то, что удивило его до невозможности:

— Извини, — пробормотал он, — я не хотел тебя обидеть. Уставший был, как черт. Ну сам же понимаешь…

Сережка внимательно рассмотрел протянутую ему ладонь. В его глазах толкнулось какое-то понимание: неужели он меня боится? Нет, непохоже. Он оценивающе взглянул в лицо Музыканта. То, что хотел сказать Олег, читалось совершенно ясно: мужик, я драки-то не боюсь, но давай не будем изображать двух горилл, которые не могут найти общего языка. Начистить табло друг дружке мы еще успеем.

Тайлаков сдался. Так же медленно он протянул руку Музыканту. Ладони встретились. Переплелись пальцами в суровом мужском пожатии: каждый стремился проверить другого на прочность, сдавливая изо всех сил. Ни один не охнул. Зато оба понимающе усмехнулись.

— И ты меня… Извини, — выдавил из себя Сережка. — Все мы тогда были… Уставшие.

— Принято.

— Вот и здорово, — засуетилась, закружилась, затанцевала вокруг Ира. — Олег, ты же еще не уходишь?

Сережка еще раз внимательно посмотрел на Музыканта. Потом на сестру. Что-то хмыкнул.

— Думаю, что не уходит. Но пить мы будем, Ирка, отнюдь не чай. Музыкант, ты водовку уважаешь?

Олег кивнул:

— Под закуску. И под разговор.

— Тебе ж мои разговоры не нравятся, — сверкнул хитрой улыбкой Тайлаков. — Опять обидишься на что-нибудь.

— А я их пока что маловато слышал, разговоров твоих, — развел руками Олег. — Тащи лучше свою водовку. Ир, ты с нами?

Какое-то время он зачастил к Тайлаковым в гости. Через две недели Ира, которой, как выяснилось, больше нравилось, когда ее зовут Иришкой, переехала к нему, бросив брата в одиночестве. Впрочем, тот недолго страдал от того, что некому стирать ему носки и готовить обед. Вскоре в квартире на втором этаже дома, что на углу улиц Московской и Щукина, появилась Леночка, такая же конфликтная и язвительная, как сам Сережка. Говорят, они доставали друг друга, доводили до белого кипения и испытывали на прочность каждодневно, подтверждая всю верность поговорки о том, что милые бранятся — только тешатся. Несколько раз Леночка

заявляла, что больше не может так жить, била о стену пару тарелок, собирала вещи и уходила, чтобы через неделю-другую вернуться.

После Катастрофы отношения между полами стали значительно проще. Никого не волновало, есть ли у людей штамп в паспорте на соответствующей странице. Особенно если учитывать тот факт, что сами паспорта ушли в прошлое.

— Расскажешь мне что-нибудь? — спросила девушка. — Ну, что там с тобой приключилось?

Олег, не прекращая жевать, мотнул головой. Мол, не буду. Настаивать Иришка не хотела, к тому же она прекрасно знала, что это не поможет. Если Музыкант упрется, то он поспорит упрямством с ослом. Причем в споре между длинноухим серым животным и своим мужчиной она безошибочно поставила бы на Олега и выиграла.

— Я спать ложусь, — сказала Иришка и поднялась со стула. — Поешь и приходи. Посуду можешь не мыть.

Глава 3. Ночью, у клумбы с астрами

Олег проснулся посреди ночи. Рядом сопела уткнувшаяся носом в плечо любимого мужчины Иришка. Было темно, и в окно еще подглядывала бледная луна. Странно. Олег обычно просыпался поздно, и растолкать его раньше девяти утра представляло собой сложную проблему даже по нынешним тревожным временам. Значит, случилось нечто экстраординарное. Он поворочался, отбросил одеяло и сел, медленно привыкая к тому, что уже не спит. Где-то вдалеке перекликнулись гудками два автомобиля. Музыкант услышал их перекличку, потому что спал, не снимая слухового аппарата: его женщина считала, что он не должен дома укрываться от нее своей глухотой. Снайпер полагал — она имеет право так считать.

Когда он вернулся домой, аппетита не было, а вот сейчас зверски хотелось есть. Он, не включая света, дошел до кухни, сжевал наскоро бутерброд, запил недопитым с вечера чаем из стакана. Услышал за спиной шлепанье босых ног. Повернулся — Иришка, заспанная, закутавшаяся в одеяло, смотрела на него удивленными сонными глазами-щелочками:

— Олег, ты чего?

— Сам не знаю, — ответил Музыкант. — Не спится.

Он протиснулся по узкому коридору мимо девушки и принялся одеваться.

— Олег… ты куда?

На этот раз слова прозвучали гораздо более испуганно.

— Тоже не знаю, солнышко… — Он подошел к Иришке, обнял лицо ладонями, нагнулся и нежно чмокнул ее в кончик носа.

Затем натянул сапоги и потянулся за автоматом. Сейчас он собирался не на снайперскую охоту, и ему нужна была не винтовка с оптикой, а совсем другое оружие.

— Да куда ты собрался! В такую темень!

— Извини, Иришка. Правда, совершенно не представляю. Меня будто толкнуло что-то: нужно идти.

Что разбудило его, что заставило подняться, что позвало его вон из уютного квартирного мирка в ночь, в порубежье, в «серую зону»? Олег на самом деле не знал ответа — просто где-то внутри нарастало тревожащее, беспокойное, странное, едва знакомое чувство. Как будто он находился здесь и одновременно звал самого себя издалека, из какого-то далекого уголка Города.

— Ты… ты вернешься? — обеспокоенно прошептала она.

— Конечно, солнышко. Я же всегда возвращаюсь, ты же знаешь. Я тебя когда-нибудь обманывал?

Иришка вздохнула:

— Я теперь заснуть не смогу. Ты там осторожней, ладно? И, — она слабо улыбнулась, — хвосты неси сразу в Штаб. Чтоб я дома этой мерзости не видела больше. Понял?

— Понял. — Музыкант зевнул. — Ой… Извини еще раз. Все понял. Вернусь с хвостами и цветами. Штабу — хвосты, тебе — цветы. Так? Ничего не перепутал?

— Ничего, ничего. Ладно, иди уж, полуночник. И что это на тебя нашло…

Музыкант шел по ночному городу. Несмотря на прошедшие после Катастрофы четыре года, он неплохо помнил, как выглядели эти места раньше: переливающиеся ожерелья неоновых огней, шум двигателей редких автомобилей, неторопливо бредущие прохожие… Ничего этого больше нет. Олегу на миг подумалось, что даже Иришка, которую он совсем недавно оставил, не более чем сон. А на самом деле есть только Город и он, одинокий человек, осторожно пробирающийся по залитой лунным светом улице, вдоль бессмысленно таращившихся черными провалами окон зданий.

Вообще-то он миновал пост, но останавливаться и отмечать пропуск не стал. Его неведомое чувство подтолкнуло Музыканта изнутри, тот метнулся в тень, когда все смотрели в другую сторону, и проскользнул в порубежье, никем не замеченный. Просто Олег очень любил свободу и ради нее готов был порой нарушать установленные сверху порядки. Конечно, когда он вернется, ему нужно будет заглянуть на пост — в конце концов, прятаться от своих просто некрасиво. Доцент узнает, что Олег вышел в порубежье, не отметившись, и Вась-Палыч узнает тоже, и Зинаида Вершинина по прозвищу Бой-баба, и другие члены Штаба. Ну и пусть. Что они Олегу сделают? Пока же он просто сдернул слуховой аппарат, аккуратно убрал его в карман куртки и отдался своим потаенным ощущениям, старательно сливаясь с окружавшим его миром. Мы с тобой одной крови, шепнул он беззвучно Городу. Город никогда не отвечал, однако такое положение дел вполне устраивало снайпера.

Музыкант уже понял, что тайное чувство вновь вывело его на охоту за крысой с флейтой. Он только пока не знал, где именно искать серого ловца человеков. Поэтому снайпер наметил себе прогуляться до роскошной клумбы на площади Победы, где до сих пор цвели дивные астры, — все-таки он обещал Иришке букет. В той части Города, где жили люди, большинство клумб, скверов и парков были заняты под посадки и огороды. Так было проще, чем ломать асфальт. Так что с цветами на территории людей было не очень хорошо, в основном их выращивали в квартирах, в горшках на подоконниках.

Лучше, конечно, сначала подстрелить крысу, а затем уже собирать цветы. Честно говоря, Олег не представлял себе, как будет преследовать крысу, сжимая в руке букет астр. Но пока что таинственного хвостатого флейтиста не предвиделось, и цветы выглядели вполне достижимой целью.

Интересно, подумал он, проходя в тени гигантского торгового центра «Все для всех», былой гордости Города. Когда людей стало меньше, на улицах сделалось гораздо чище. Нет, конечно, разруха дает о себе знать: битое стекло, раскрошенный кирпич, брошенные вещи, стреляные гильзы — всего этого на асфальте предостаточно. Зато, по крайней мере, в порубежье и «серой зоне» днем с огнем не сыщешь изжеванных сигаретных окурков, смятых пивных банок, шуршащих пакетов, промасленных бумажек, в которые кто-то когда-то заворачивал горячие жирные пирожки. Не шелестят под ногами фантики от шоколада и не долетевшие до мусорных урн автобусные билеты, не дожидаются опасливо оглядывающихся по сторонам бомжей пустые бутылки. Одна радость осталась ветру — листья. Если сравнивать с теми временами, что были до Катастрофы, листопад еще только начинался. Но дворники давно уже стали достоянием истории, и подметать тротуары было некому. Так что ветер игриво подбрасывал вверх целые охапки сухих листьев, перемешивал их, раскладывал пестрым ковром, вновь расшвыривал — и так до бесконечности. Только свист ветра и шорох листьев.

Однако Музыкант, сняв слуховой аппарат, и этого не слышал. Шестое чувство осторожненько подтолкнуло его. Что? — не говоря ни слова, спросил Олег. Будь начеку, ответило нечто внутри него. Хорошо, покладисто согласился снайпер, перехватывая оружие поудобнее.

Небо тем временем заволокли белесые тучи, похожие на облака порохового дыма, стелющиеся над полем битвы. Звезды недоуменно таращились в разрывы между пороховыми клубами, словно пытаясь понять, что делает этот странный человек в пустом и безжизненном городе.

Вот и площадь. Огромная неухоженная клумба кольцом окружала черную даже в накрывшей город ночи траурно-мрачную каменную иглу обелиска. Справа от обелиска стояли две плоские стелы. На их поверхности были имена. Много имен. Одна из строчек — фамилия Олегова деда. И какие-то далекие родственники, не вернувшиеся с той войны, тоже были отмечены.

Астровое море волновалось в такт порывам ветра. Олег покрутил головой вправо-влево. Затем прислушался к неведомому чувству внутри себя. Вроде ничего. Тишина. Он выскольз-

нул из-под прикрытия простроченной автоматной очередью автобусной остановки и быстро перебежал площадь.

Все спокойно.

Ограждение, которое когда-то не удерживало любителей заполучить букет на халяву, было снесено грузовиком, полусгоревший остов которого торчал в клумбе уродливым бредом скульптора-дадаиста. Олегу было несложно и перепрыгнуть невысокую ажурную ограду, но он предпочел идти там, где препятствия не было. Снайпер обогнул разбитую машину и, нагнувшись, принялся присматриваться к цветам.

И тут его пронзило огненным шилом. Позвоночник налился пульсирующей болью. Перед глазами взмахнули пламенеющими крыльями бабочки. Тайное чувство спохватилось слишком поздно и теперь голосило внутри хозяина вовсю.

— Черт тебя дери, — выдохнул снайпер, распрямляясь и вскидывая автомат.

Встав во весь рост, он разглядел в нескольких метрах от себя крысу — темную тень в темной безлунной ночи.

Крыса подняла тонкую трубочку флейты и пробежалась по ней когтистыми пальцами. Музыкант, разумеется, не слышал ни звука. Тварь удивленно — ни дать ни взять человек, а не вставшая на задние лапы серая хвостатая подделка — отняла от усатой морды флейту, посмотрела на нее, вновь сунула в рот и подула.

— Отправляйся в ад, сука, — едва шевеля губами, сказал Музыкант, не слыша собственных слов.

И нажал на курок.

Сухо щелкнул боек. Осечка.

Как странно, успел подумать он. Я ведь вроде бы его регулярно чистил и смазывал. Почему он меня подвел?

А потом крыса швырнула флейту на асфальт и бросилась на человека, визжа и растопырив лапы. Олег не успел увернуться. Увесистое тело обрушилось на него, обдав острым животным запахом. Оружие вылетело из рук снайпера, он упал, придавленный к асфальту, а крысиные когти метко нацелились в глаза. Музыкант с трудом отбросил лапы в сторону, попытался ударить в ответ, но когти метнулись к горлу, едва не разорвав его. Впрочем, снайпер вновь отшвырнул лапы крысы. Судорожно изогнувшись, он скинул крысу с себя — та ловко откатилась в сторону, угрожающе направив когтистые пальцы в его сторону, — и встал в стойку.

Крыса опять рванулась в атаку. Олег встретил ее ударом ноги в голову. Зверюгу мотнуло назад, но она удержалась на задних лапах и только потрясла головой. Музыкант попытался было закрепить успех и нанес еще один сокрушительный удар ногой, но на этот раз тварь пригнулась и когтями расцарапала ему голень.

Противники, тяжело дыша и внимательно изучая друг друга, разошлись.

Плохо, подумал Олег. Очень плохо. До одури отвратительно, что меня подвел автомат. Врукопашную против полутораметровой крысы драться рискованно. У нее на двух верхних лапах десяток дарованных природой ножиков. Пусть каждому из них далеко до бритвенной остроты, но их заточки вполне достаточно, чтобы вспороть мне брюхо и полюбоваться тем, что там внутри. А есть ведь еще и задние лапы. И еще этот хвост… Бес знает, что эта тварь умеет им делать.

Они неторопливо двинулись по кругу, делая осторожные движения руками. Ни один из сошедшихся в схватке не торопился атаковать первым.

В Гонконге душу бы продали за эту сцену, пришла на ум снайперу мысль. Он неожиданно вспомнил старый сериал про черепашек-ниндзя. У них, как помнилось Олегу, наставником как раз была гигантская мутировавшая крыса по имени Сплинтер. Но в фильме ни разу не

показывали, как она дерется. На долю Сплинтера, как истинного учителя ниндзя, оставалось произнесение в нужный момент Великих Истин. Идеологическое, так сказать, руководство.

Ну почему же она не нападает…

В этот момент крыса ринулась вперед, нанося серию быстрых ударов лапами с растопыренными когтями. Теперь тварь целила Музыканту в глаза, и лишь удача помогла ему не лишиться вслед за слухом еще и зрения. Слепой снайпер — что может быть нелепее. В свою очередь Олег еще раз чувствительно зацепил зверюгу, пнув ее тяжелым ботинком, — он не рисковал лезть в ближний бой, боясь когтистых лап, и делал ставку на удары ногами.

Его хвостатый противник вновь отпрянул, наткнувшись на яростное сопротивление человека. Драка затягивалась. Оба — и крыса, и человек — явно надеялись справиться с врагом быстро, рассчитывая на свои особые способности и оружие. Когда этого не получилось, у них остались только они сами.

Усы, лапы, хвост — вот мое оружие, мысленно ухмыльнулся Олег, глядя на крысу, продолжавшую беззвучный танец у поросшей астрами клумбы. Жаль, что превратившаяся в человека обезьяна, спустившись с деревьев, отбросила хвост. Впрочем, помог бы мне сейчас обезьяний хвост? Тогда уж лучше хвост кенгуру: если верить слухам, австралийские зверушки очень лихо бьют друг друга именно этой частью тела.

Вообще все это мысленное балагурство — от азарта драки и сводящего с ума ощущения проигрыша и возможной смерти. Говорят, профессионалы могут настраивать себя так, чтобы голова в бою оставалась холодной, а не такой, как у меня, — словно я пару раз по сто граммов хлопнул. Все-то у меня не как у людей… Зря я ножа с собой не взял, вот что. Ну, в следующий раз — обязательно. Если он будет, этот следующий раз…

Крыса на удивление грациозно, как будто и на самом деле обучалась рукопашному бою в каком-нибудь восточном монастыре, метнулась к Музыканту. Ее лапы чертили в воздухе замысловатые узоры, дразня, отвлекая, обманывая. Олег растворился в закрутившейся карусели схватки, отбил пару ударов, ударил сам, почувствовал, как когти рассекли ему бок, — ничего… это ничего… неглубоко, самыми кончиками… лишь бы никакой заразы… горячее потекло по коже… удачно извернулся и ответил мощным пинком в живот. Крыса согнулась пополам, но, когда Олег рубанул ребром ладони чуть пониже крысиного уха, тварь упала и откатилась в сторону. Она замерла, скрючившись и надрывно кашляя, но ее черные глаза внимательно смотрели за противником.

Музыканта вдруг замутило. Только через несколько минут после начала драки он осознал, что запах крысы раздирает ему ноздри. Прежде он практически никогда не сталкивался с тварями так близко, если не считать быстротечной и нелепой заварушки, когда он в составе группы Левашова патрулировал кварталы за стадионом «Спартак» и у станции метро «Центральная» группа нос к носу столкнулась с десятком крыс, явно вылезших на поверхность из тоннелей метро. Тогда не было времени долго и тщательно целиться, а нужно было бросаться на врага, бить его прикладом, стрелять в упор, видя, как пули разворачивают шерсть, кожу, мясо, кости, превращая их в единое месиво, брызжущее кровью, но продолжающее визжать, бить когтями, тянуться клыками и стрелять в ответ.

Что-то подсказало Олегу, что сейчас можно уйти. Поднять бесполезный автомат, попятиться и, когда он будет уверен, что крыса не нападет со спины, просто стать частью ночи и под ее покровом спокойно вернуться домой. Ему никто не помешает. Но в таком случае он никогда не поймет, что за странная тварь встретилась ему, почему она играет на флейте и что флейта делает с другими людьми. Крыса была загадкой. А Музыкант не любил загадок, оставшихся без ответа. Поэтому он решил задержаться и попробовать довести бой до конца.

Серая зверюга с трудом поднялась. Похоже, Музыкант зацепил ее всерьез. Ну и хорошо. Это только в кино человек может без вреда для себя пропустить десяток-другой ударов. Но кино осталось в прошлом, и вместе с ним исчезли супермены, спокойно переживавшие удары,

которые должны были бы раздробить кости или разорвать внутренние органы. Олег двинулся вперед, собираясь покончить с противником. Он пока что с трудом представлял себе, что ему делать, оставшись без оружия. Одно дело — просто драться, хотя бы защищая свою жизнь. Совсем другое — убить противника голыми руками — не в пылу боя, дурманящего голову, которая уже не ведает, что творят руки, а по расчету. Как? Музыканту еще не приходилось делать этого, даже несмотря на то что он уже несколько лет жил в мире, отложившем пока в сторону до лучших времен представления о гуманизме, распространенные до Катастрофы.

Задушить? Забить руками и ногами до смерти? Сама мысль об этом показалась Олегу отвратительной. Да, печально подумал он, принимая боевую стойку и привычно уклоняясь от атаки крысы, которая была неожиданно вялой, — без оружия-то мало на что мы способны. Один на один, без дубины в руках, уже имеем все шансы проиграть. Цари природы, блин! С другой стороны, у кого дубина, тот и царь. Вот у хвостатой твари нет дубины — она и проигрывает.

Следующий удар Олега пришелся крысе в челюсть. Тварь с визгом отлетела назад, шлепнулась на спину, но нашла в себе силы лягнуть бросившегося за ней Музыканта задней лапой. Снайпер в последний момент сумел отдернуть ногу, крысиные когти только распороли брючину.

Кстати… А почему бы нет… Олег, решив, что за несколько секунд крыса никуда не денется, отбежал в сторону, где валялся его автомат, отказавшийся стрелять и выбитый противником в первые мгновения боя. Оружие не стреляет? Так оно сойдет за ту самую дубину, с которой человек царствует над природой. Поудобнее перехватив автомат за ствол, Музыкант обрушил на пытающуюся встать крысу град ударов.

Серая тварь пыталась увернуться, закрыться лапами, но это не помогало. Ее противник сам превратился в зверя. По крайней мере, это в бою с человеком можно вести себя как человек, а сейчас против Олега было животное, и чтобы одолеть его, Музыкант сам стал животным. Он что-то нечленораздельно выкрикивал, ощутив вкус победы, — не той, к которой он привык, стреляя издалека и видя врага через оптический прицел, а той, настоящей победы над врагом, которую приходится выцарапывать у него из глотки. Сухо треснула кость, сломанная ударом приклада, крыса уже и не пыталась встать, обреченно визжа, брызжа слюной и пытаясь из последних сил достать Олега лапами.

Еще немного, подумал Музыкант, размахиваясь автоматом и опуская его на это визжащее, извивающееся, мягкое, о которое приклад ударялся с глухим шлепком. Да сдохни уже, тварь! Перестань дергаться! Я победил, мать твою! Подохни! Подохни!! Подохни!!!

Он не сразу сообразил, что уже кричит это вслух, на всю площадь, рискуя привлечь сюда всех крыс в округе.

И совсем не сразу понял, что крыса, переставшая визжать и извиваться, смотрит на него широко раскрытыми глазами, в которых застыла обреченность, и негромко говорит по-русски.

Конечно, снайпер был без слухового аппарата. Но, как любой глухой человек, он с годами научился читать по губам. И хотя крысиные губы двигались совсем не так, как человеческие, было видно, что тварь пытается что-то ему сказать.

Олег надел слуховой аппарат и вновь обрел слух.

Она произносила всего одно слово, но этого хватило Олегу, чтобы остановиться и замереть в изумлении.

— Пощади, — шептала поверженная им тварь. — Пощади… Пощади… Пощади…

Левая передняя лапа, сломанная в двух местах, безжизненно лежала поперек груди, другой крыса пыталась прикрывать голову. Задние лапы бессильно царапали когтями асфальт. Вонь от крысы усилилась, и Музыкант подумал, что, если не заставит себя не слышать отвратительного запаха, его вырвет. Неужели эта тварь в предчувствии близкой гибели еще и обгадилась? На то похоже.

Мерзость.

— Пощади… — еще раз простонала крыса.

Этого не могло быть. Потому что этого не могло быть. Потому что раньше такого никогда не было.

Все когда-нибудь случается в первый раз. Потрясенный Музыкант отступил назад, опуская автомат, которым он только что молотил крысу, истово желая ей как можно скорее отправиться на тот свет. Сил больше не осталось. Ярость куда-то ушла. Багровый туман, колыхавшийся перед глазами, рассеялся. Теперь перед Олегом лежал не побежденный враг, которого требовалось добить как можно быстрее, а жалкое, искалеченное существо. Его легко было презирать и очень трудно — ненавидеть.

— Пощади… — Крыса закрыла глаза.

Олег грубо выругался. Он вообще-то не особо ценил грязные словечки, но при случае пользовался ими. Сейчас, похоже, был именно такой случай. Ну и что ему теперь делать?

Добить крысу он уже не сможет, это ясно. Рука не поднимется. У, гуманист хренов! Ладно, а что, лучше бросить ее здесь, посреди площади, с переломанными лапами, избитую, чтобы она попросту подохла сама? Тоже не очень правильный вариант.

Ага, одернул Олег сам себя. Остается, видимо, принести ее к своим и сказать: вот вам подарочек. Лечите. Действительно, люди несколько раз захватывали крыс в плен, но со временем прекратили так поступать, предпочитая добивать раненых врагов на месте. Как «языки» крысы не годились, потому что говорить ни на одном человеческом языке, разумеется, не умели, а люди не могли общаться на языке крыс. Правда, кто-то пытался установить контакт с пленными крысами, используя рисунки, но толку от этого не было. Пленные твари наотрез отказывались общаться с тюремщиками. Еще на захваченных в плен серых тварях пытались ставить какие-то опыты, изучать поведенческие реакции, но беда в том, что в городе не осталось настоящих специалистов, которые могли бы получить внятные результаты, а затем интерпретировать их и выдать хоть чего-нибудь стоящий ответ на вопрос, что с крысами делать. Так что по-хорошему Музыканту сейчас стоило помочь крысе, наконец, умереть, но делать этого он уже не собирался.

Пока он размышлял, крыса вновь разлепила глаза. Теперь, несмотря на плавающую в зрачках боль, она смотрела с явным интересом. Ладно, попробуем поговорить.

— Ты почему разговариваешь? — спросил Олег, сам удивляясь глупости вопроса. Разговаривает — и все тут. Сейчас есть проблемы поважнее.

Крыса, видимо, была с ним согласна. Раздвинув губы, она простонала:

— Какая разница… Пощади…

— Уже, — грубовато бросил Музыкант. — Дальше-то что?

— Не понимаю…

— Что мне теперь с тобой делать? Лечить я тебя не буду. Не надейся. Не для того я с тобой дрался.

— Я сам… не дойду. Помоги.

— Как?

Еще несколько минут назад они, заклятые враги, сражались насмерть. Как быстро все иногда меняется, подумал Олег. Мы уже не бросаемся друг на друга с кулаками, не вцепляемся в глотки — мы разговариваем. И понимаем более-менее, что говорит другой.

— Тут недалеко… Помоги дойти.

— Ты встать-то можешь? — спросил Олег.

— Если дашь руку…

Музыкант шагнул вперед и хотел наклониться, когда простая и страшная мысль обожгла его: сейчас он нагнется, и говорящая тварь полоснет его когтями по горлу! Как все просто,

и какой он наивный дурак. Снайпер отскочил назад и замер. Крыса напряглась и вновь осела на асфальт.

— В чем дело? — тяжело дыша, спросила она. — Боишься? Я не ударю.

— Почему я должен тебе верить?

— Должен? Плохое слово. Ты не должен. Ты или веришь… Или не веришь… У вас есть поговорка: «Кто не рискует…» — Крыса неуклюже заворочалась и громко застонала, в глазах ее опять плеснулась боль. — Вот… «Кто не рискует, тот не пьет шампанского». Ты любишь шампанское, человек?

Вопрос застал Олега врасплох. Он подумал: а когда ему вообще в последнее время случалось пить шампанское? Запасы алкоголя в городе, несмотря на прошедшие после Катастрофы годы, оставались внушительными, но распределялся он Штабом, и Музыкант помнил только водку, дешевое молдавское винцо и вполне сносный, но далеко не отличный коньяк. Ну, еще самогон, который гнали из картофеля. Шампанское — это что-то из жизни до Катастрофы, тяжелая зеленая бутылка, игра холодных колючих пузырьков на языке и нёбе, бесшабашное веселье…

— Да, люблю, — наконец ответил он.

— Я тоже пробовал, — сказала крыса. — По-моему, редкостная гадость… Вот такие мы разные, человек. Ну… Ты поможешь мне? Или мне здесь подохнуть? Тогда хоть добей. Наши на площади появляются редко, меня вряд ли найдут.

Интересно, подумал Олег. Она довольно неплохо разговаривает. Но для того, чтобы говорить на чужом языке, нужно иметь практику. С кем же она общалась раньше? Может быть, кто-то среди нас уже встречался с ней, что-то обсуждал, спорил. Может быть, даже строил планы.

Существование говорящей крысы многое меняло в картине мира снайпера. Например, принято было считать, что, коли обе стороны совершенно несовместимы, предателей среди людей не бывает. Нет таких бочек варенья и корзин печенья, которые серые твари могли бы пообещать человеку. Более того — даже пообещать они не могли, потому что нет возможности разговаривать. Поэтому и секретностью в Штабе особо не увлекались. Зачем беречь секреты, если их никто не выдаст? Да и с большой вероятностью противник этих секретов просто не поймет.

Или все гораздо проще? Подудела крыса в свою волшебную дудку, человек бросил оружие, сложил лапки и покорно отправился с ней в «серую зону». Там тварь отложила флейту и заставила пленного учить ее русскому языку. Бредовая картина. А потом что? Куда денется человек? Ну, судя по тому, что Олег ничего не слышал о том, как кто-то возвращался от крыс, ничего хорошего такого человека не ожидало. И еще одно интересно: там, где одна говорящая крыса, может оказаться и вторая.

Черт с тобой, зло подумал Олег. Пусть мне будет хуже, но, наверное, я не до конца проникся этой выживательской философией. Убей или будь убитым — это пока что не совсем про меня. Он вернулся к лежащей раненой крысе и осторожно наклонился над ней.

Удара не последовало. Тварь внимательно наблюдала за человеком, но не предпринимала ни одной попытки напасть. Что ж, уже хорошо. Подсунув обе руки под плечи и стараясь убедить себя, что никакого крысиного запаха не существует… ничем не пахнет… вообще… вот так… Олег помог крысе сесть. Тварь двигалась с трудом, стараясь, чтобы покалеченная конечность оставалась на весу, и морщась, если лапу задевали. Потом она посмотрела куда-то в сторону. Олег проследил направление ее взгляда.

Отброшенная в начале боя флейта лежала у клумбы с астрами.

— Нет, дорогая моя, — ухмыльнулся Музыкант. — Даже не проси. Не дам.

Сейчас, когда слух вернулся к нему, снайперу совершенно не хотелось, чтобы крыса заполучила музыкальный инструмент обратно в свои лапы. Нет уж. Как-нибудь в другой раз. Серая тварь его прекрасно поняла и настаивать не стала. Интересно, она уже задумалась, почему сыг-

ранная мелодия на него не подействовала? И если задумалась, то к каким выводам пришла? Если для снайпера говорящая крыса — диковинка из диковинок, то не кажется ли ей настолько же странным человек, не восприимчивый к ее музыке?

Опираясь на человека, крыса с трудом встала.

— Куда? — спросил Олег.

— Вон туда… — Крыса ткнула здоровой лапой в сторону здания, в котором когда-то располагался крупнейший в городе книжный магазин. — Пока что.

Они побрели по залитой лунным светом площади. Раненая тварь шла медленно, приволакивая левую заднюю лапу. Судя по напряженному дыханию, каждый шаг давался ей с трудом. Несколько ссадин на плечах и морде кровоточили, и грязно-серая шерсть в этих местах намокла и стала бурой. Олег и сам измазал куртку пылью и крысиной кровью. Придется выбросить, мельком подумал снайпер, а то как потом объяснишь, что сам цел, а куртка в крови?

Кое-как они добрались до книжного магазина.

— Постой, — попросила крыса.

Музыкант послушно остановился. Ему показалось, что опиравшееся на него тело стало еще тяжелее. Если бы снайпер сейчас отпустил раненую крысу, она наверняка не удержалась бы на ногах и упала.

— Надо… — выдохнула с трудом тварь, — отдохнуть. Больно.

Черт побери, пронеслось в голове Олега. Надо было все-таки добить тебя. Теперь возись с тобой, таскай туда-сюда. Тяжелая, сука. Но что теперь поделаешь? Взялся помогать — помогай, любитель раненых крыс.

Вот найдут ее сородичи, откачают, приведут в порядок. Отыщет она новую флейту взамен оставшейся на площади — и снова примется за старое. Добро так легко оборачивается в нашем далеком от совершенства мире злом.

Музыкант сплюнул. У него заныло плечо, на которое приходился вес крысиного тела.

— Может, пойдем? — спросил он. — У меня время не резиновое.

— Что? — не поняла крыса. — А, какая-то поговорка? Ладно, идем. К банку.

Человек и крыса, на время переставшие вести себя как смертельные враги, повернули вниз по улице Труда, к маячившему вдалеке зданию городского муниципального банка.

— Умотала ты меня, — устало сообщил Олег. — Тяжелая.

— Почему ты обращаешься ко мне как к женщине? — не поняла тварь. — А… Ясно. Крыса — слово женского рода. Так?

— Так.

— Вообще-то, — недовольно сказал его собеседник, — я особь мужского пола. По-моему, это можно было заметить.

Олегу больше нечего было делать в драке, как рассматривать, что там у его противника между ног. Так он крысе и сказал.

В ответ раздалось несколько странных звуков. Как будто тварь пыталась чихнуть, но выходил этот чих с тонким присвистом.

— Ты чего? — удивился Музыкант.

Сначала он даже подумал, что раненой крысе стало хуже. Но, прочихавшись, крыса ответила:

— Это смех. Вы смеетесь по-другому?

— Да уж, — пробурчал Олег. — Ничуть не похоже. Значит, вы и смеяться умеете?

— Мы много чего умеем.

— Действительно. Заметно, заметно. Ну, идем прямо к банку.

— Да.

Еще какое-то время они шли вперед. Крыса едва волочила ноги и пару раз не ответила на довольно ехидные реплики снайпера. Она, видимо, берегла силы, хотя по виду твари нельзя

было сказать, что ее состояние ухудшается с каждой минутой и она планирует подохнуть, сведя на нет все старания Олега, прямо здесь и сейчас. Возможно, крыса просто решила, что говорить им уже не о чем. Нарушила молчание она лишь один раз, вновь попросив остановиться. Но остановка вышла короткой — похоже, раненая тварь пришла к выводу, что от этих передышек толку мало и лучше поднапрячься и добраться уже туда, куда ей было нужно.

Наконец Олег дотащил крысу до входа в банк. Двери из пуленепробиваемого стекла были заклинены пирамидой металлических ящиков. Музыкант ничуть не удивился бы, если бы узнал, что в них деньги. Не удивился бы и даже не заинтересовался — зачем деньги выжившим после Катастрофы? Сейчас это всего лишь еще одно напоминание о прошлом, бессмысленное и бесполезное. Любопытный курьез.

— Здесь, — просипела крыса.

— Прямо на улице?

— До дверей доведи. Дальше я сам… Внизу тоннели, там есть наш… Назовем это постом.

Олег помог твари добраться до дверей. Она с видимым усилием оторвалась от поддерживавшего ее человека, здоровой лапой ухватилась за дверную ручку, перенесла вес на нее.

— Спасибо.

— Не за что. В следующий раз встретимся — убью, — пообещал Олег.

Он опять разозлился на себя за то, что взялся за возню с раненым противником. И еще больше разозлился за то, что не мог себя вести иначе.

— В следующий раз? — с непонятной интонацией произнесла крыса. — А что? Наверное, он будет, этот следующий раз. Так что я не говорю «прощай».

— Только «до свиданья»?

— Наверное. До свиданья, человек. Тогда и выясним, кто кого убьет.

Серая тварь кое-как пробралась внутрь, протиснувшись в щель между металлическими ящиками и стеной. Музыкант посмотрел ей вослед. Ему очень хотелось выяснить, не пришел ли в себя болтавшийся на плече автомат, но разряжать магазин в спину твари после того, как сам помог ей досюда добраться, было бы донельзя глупо. Непоследовательно. Поэтому Олег дождался, пока покалеченная крыса («особь мужского пола» — ну е-мое!) исчезнет в недрах банка, развернулся и торопливо пошел в сторону «нашего города».

По пути он не забыл нарвать астр. Астры были мелкими — все-таки самосевка, — но главное ведь внимание? В конце концов, цветы — это всего лишь символ.

Хвостов для Штаба сегодня добыть не получилось.

Музыкант решил пока что никому не рассказывать о том, что произошло. Дело было не только в том, что он отпустил раненого врага, не добив его. Просто если те, с кем он говорил о крысе с флейтой раньше, скептически отнеслись к тому, что им поведал Олег, то после известий о том, что эта дивная тварь еще и говорит по-русски, кто-нибудь мог всерьез поставить вопрос о психическом здоровье снайпера. Музыкант привык, что его считают ненормальным, но одно дело — слухи да разговоры, а другое — официальное разбирательство.

Так что подождем до лучших времен. Если они вообще когда-нибудь наступят.

Иришка обрадовалась цветам, поэтому не особенно расспрашивала Музыканта, что да как да где он оставил куртку. Про распоротую штанину и поцарапанный бок снайпер успел соврать, что неудачно споткнулся возле какой-то покореженной железяки. Так что девушка только стрельнула хитрыми глазами из-под черной челки и сказала, потершись подбородком о мохнатые астры:

— Приятно, Олежка. Правда, очень приятно. Пообещай мне кое-что!

— Что?

— Нет, ты сначала пообещай. Ничего невыполнимого, честное слово. Я тебя когда-нибудь обманывала?

— Ну ладно, — не стал спорить Олег. — Обещаю.

— Не делай так больше, хорошо?

— Как?

— Вот так. Не рискуй больше жизнью ради того, чтобы принести мне цветы. Одного раза вполне хватит. И вообще нас, женщин, не стоит баловать. — Она игриво улыбнулась. — Мы, женщины, чересчур быстро привыкаем ко всему хорошему. А цветы — это хорошо.

— Чем же хорошо? — рассмеялся Олег, расшнуровывая ботинки. — Их на себя не наденешь, на вкус они — ничего особенного.

— Можно подумать, — отозвалась Иришка с кухни, куда она убежала наливать воду в вазу, — ты их пробовал на вкус.

— Да ты тоже не пробовала! Никогда не видел, чтобы кто-нибудь ел цветы. Они у всех в вазах стоят, а потом увядают, и их выбрасывают.

— Ну что ты за человек такой! Вот во всем нужно негатив найти! Это знак внимания, балда. Внимание — оно ни в чем не измеряется. Оно либо есть, либо нет, и все равно, что цветы потом засохнут. Внимание-то было — и все тут. Ты есть хочешь, странник ночной?

— Да. Есть. Как зверь. Р-р-р-р-р-р-р! — Олегу было невероятно хорошо, легко, спокойно и умиротворенно. Его ночные приключения, бой с загадочной крысой, которая имела все шансы покончить с его земным существованием, размышления о том, как поступить с раненым врагом, — все отступило перед нахлынувшей вдруг нежностью. Хоть кто-то меня любит, потрясенно подумал Музыкант. Любит — то есть принимает меня таким, каков я есть, не пытаясь переделать под собственные представления об идеальном мужчине. Конечно, мы неосознанно всегда переделываем друг друга, перестраиваем-перекраиваем, полностью этого избежать невозможно. Но она хочет, чтобы я был самим собой, своим собственным. И поэтому я готов принадлежать ей.

Частично.

Иногда.

Но другим я не буду принадлежать даже на этих условиях.

— Ну иди кормись, — Иришка зазвенела посудой. — Потом спать будешь?

— Наверное. На сытый-то желудок…

— Хорошо. Тебе компанию составить?

Глава 4. «Серая зона»

С утра пришел посыльный из Штаба, Стасик Панкеев, парнишка лет шестнадцати, с которым Музыкант как-то разговорился на крыльце Штаба, ожидая, пока штабисты закончат какой-то крайне важный разговор, которого ни в коем случае нельзя было прерывать. Стасик принадлежал к интересному поколению: люди его возраста до Катастрофы уже вполне осознанно воспринимали окружающий мир, но как личности они формировались уже после Катастрофы. Несмотря на то что парень еще не достиг возраста, в котором люди Города обязательно носили оружие, заступали в караулы и совершали вылазки в «серую зону», металлический кругляш на его потертой джинсовой куртке уже украшала плетеная нитяная косичка. Пока что одна. Из разговора на штабном крыльце Олег знал, что крысу парень подстрелил чуть ли не случайно — когда носил бумаги на один из постов, который внезапно подвергся атаке тварей. «Крысиный хвост» сплела некая «рыжая Машка», к которой Стасик неровно дышал. По крайней мере, так оно было два месяца назад.

— Музыкант, тебя в Штаб, — сообщил Стасик, торопливо пожимая протянутую руку.

— Что стряслось?

Посыльный пожал плечами:

— Я-то откуда знаю?

— Будет врать-то. Чем вам еще заниматься, кроме как подслушивать? Секретность у нас, сам знаешь, аховая.

— Ну ладно, — не стал особо сопротивляться парень. — Вроде как планируется какая-то глубокая разведка. Но это так, я только краем уха слышал…

— Глубокая разведка… Вон как… — протянул задумчиво Олег. — Хорошо, дуй обратно в Штаб и скажи, что я скоро буду.

— Ты это… Поскорее… — засопел Стасик, которому явно неловко было велеть что-то «самому Музыканту». — Там сказали, чтобы ты одной ногой здесь, а другой — там.

— Мало ли что там сказали, — буркнул снайпер. — Приду-приду. Позавтракаю, побреюсь и приду.

Посыльный бросил на него завистливый взгляд, в котором явно читалось желание уметь и мочь поступать так же, как «сам Музыкант», и не слушаться всесильных штабистов.

— Ты сам поторопись, — добавил Олег.

— Все, исчез! — крикнул парень уже на бегу, стуча каблуками ботинок по лестнице.

— Что, вызывают? — спросила Иришка.

— Угу. Понадобился зачем-то. Чаю налей, пожалуйста.

— Ты правда не будешь торопиться?

— Совершенно.

— А если там что-нибудь очень серьезное? Вдруг действительно вопрос жизни и смерти?

— Если там вопрос жизни и смерти. — Музыкант прошел в кухню и принялся нарочито медленно намазывать масло на кусок хлеба и аккуратно разравнивать его ножом, — они не стали бы присылать посыльного. Доцент сам бы пришел. И вообще — если я им могу срочно понадобиться, пусть ставят телефон.

Телефонная связь в городе худо-бедно, но работала. Только обеспечить всех аппаратами пока что не удавалось. Бой-баба как-то раз на совещании Штаба долго ворчала насчет того, что большинству людей телефон все равно нужен лишь для того, чтобы часами занимать линию бесполезными разговорами. На том и порешили, связав небольшой сетью только членов Штаба, руководителей некоторых служб, командиров боевых групп и постов.

— Так-таки Доцент? — попробовала подколоть Олега Иришка. — Или Вась-Палыч?

— Ну уж нет. Этот не придет ко мне, даже если мир будет катиться в пропасть.

— Эх, Олежка… Ты думаешь, что так хорошо всех знаешь?

— Нет, конечно. Но я точно знаю, кто как ко мне относится. Мне хватает.

— На самом деле? — Иришка поставила на стол любимый Олегов стакан, в который только что налила чаю. — Скажи, например, а как я к тебе отношусь?

— Ты? — Олег растерялся. — Ну… Любишь, наверное…

— Так-так, — подбодрила его девушка. — «Наверное, люблю» или все-таки «просто люблю»?

— Просто любишь. И вообще чего пристала? Ну дай поесть человеку.

Музыкант демонстративно засунул бутерброд в рот и откусил огромный кусок, которым сразу же едва не подавился.

— Олежка-Олежка…

Его женщина присела рядом с ним, ласково провела ладонью по голове.

— Ты у меня иногда как ежик, а иногда — как черепаха. Или даже как страус. То выставляешь колючки, чтобы колоть весь мир, то от этого самого мира прячешься.

— И что же я делаю неправильно?

— И то, и другое. Конечно, иногда нужно бывает уколоть, а иногда — спрятаться. Только ты никак не поймешь, что есть и другие способы.

— Эй… Только не надо учить меня жить, — возмутился Олег.

Он чувствовал, что наполовину его возмущение — чистое притворство, а чем оно является на другую половину, Музыкант предпочитал не думать.

— Да я не учу. Не буду. Не собираюсь. Доедай бутерброд, ежик, пей свой чай и побереги свои иголки для Штаба. Вот там они могут тебе пригодиться.

В Штабе Олега действительно ждали. Стоило только войти, как его встретил какой-то полузнакомый пожилой человек с манерами военного еще тех, докатастрофных времен.

— Олег? Ну наконец-то, а то мы уже заждались. Я — Паршин, и меня, представь, тоже Олегом зовут. Ну пошли, пошли, народ уже собрался, тебя одного только не хватает.

Тезка потащил Олега на второй этаж, по лестнице с выщербленными ступенями, на которой как-то раз Музыкант поскользнулся и, упав, разбил себе колено. Словно в такт неприятным воспоминаниям, колено вновь заныло, и не ожидавший такого снайпер поморщился. Паршин это заметил.

— Что, не любишь Штаб? Это нормально, представь себе. Чего его любить? Они тут сидят, в тепле и уюте, за нашими спинами, а нам с тобой отдуваться. Мы же с тобой похожи — мы люди действия, нам подавай поле, да чтобы сам по себе и никто над нами не стоял. Ну что молчишь? Не так, что ли?

Не так, хотел ответить Музыкант. Совсем не так. Не хочу я никакого действия. Ни в какое поле не хочу. Покоя бы мне. Чтобы никто не выдергивал из своего дома, от любимой женщины и от утреннего чая с бутербродом. Но вместо этого Олег кивнул. Говорливый Паршин чем-то ему не понравился.

— Ну ты молчун, — восхитился тот. — Да ладно, брось, уже пришли.

Он толкнул крашенную белой казенной краской дверь, на которой висела табличка «Без стука не входить», и объявил:

— Вот, товарищи-господа, привел!

Внутри царила традиционная атмосфера штабных заседаний: висящая под потолком сизая пелена табачного дыма, разбросанные по столу документы, придавленные кружками с чаем, оставлявшими на бумаге коричневые круги. Доцент вымерял расстояние по карте циркулем, одновременно объясняя что-то ожесточенно жестикулировавшей Бой-бабе. Вась-Палыч, отхлебывая из стакана в серебряном подстаканнике, читал разлохмаченную по краям распе-

чатку. Невысокий седой армянин Арсен, формально в Штаб не входивший, но занимавшийся различными хозяйственными вопросами, тыкал пальцами в кнопки большого бухгалтерского калькулятора. Еще двое людей — их Олег, кажется, где-то видел, но имен не вспомнил, как ни старался — негромко переговаривались, сидя в поставленных друг напротив друга креслах. Когда Паршин открыл дверь, никто сначала даже не подумал отвлечься.

Не обращая внимания на то, что их не замечают, Паршин слегка хлопнул Музыканта по плечу:

— Заходи, дорогой. Тебя все ждут.

— А, это ты, Олег. — Доцент отложил циркуль и повернулся к двери: — И ты, Олег…

— И ты, Брут, — хихикнула Бой-баба.

— А Цезарем, значит, кто будет? — осведомился Вась-Палыч.

— Думаю, что ты, — отозвался снайпер и, не дожидаясь приглашения, уселся в свободное кресло.

Паршин, схватив за спинку стоявший неподалеку стул, дернул его к себе. Стул противно скрипнул ножками по полу и не менее резким скрипом отозвался на то, что тезка снайпера опустился на него.

— Дошутишься, Музыкант, — буркнул Вась-Палыч.

— Не в этой жизни, — огрызнулся Музыкант.

— Да-да, — прервал их пикировку Доцент. — Мы в курсе, что только хорошие умирают молодыми. Так ты говоришь?

— Угу. Зачем звали?

— Зачем звали? За делом. Сможешь в «серую зону» сходить?

Откровенно говоря, Музыкант ожидал чего-то в таком роде. Хотя он, скорее, предполагал, что речь пойдет о вылазке в порубежье. После пропажи нескольких разведгрупп Штаб отказался от глубоких рейдов на территорию, занятую крысами.

— Смогу, — просто ответил снайпер.

— Так… — Доцент довольно потер руки. — А людей с собой провести?

— Туда и обратно? — на всякий случай уточнил Олег.

— Конечно. Иначе и мараться не стоит.

Это снайперу понравилось меньше. Одно дело — идти в порубежье или «серую зону», надеясь только на себя и отвечая исключительно за себя. И совсем другое — когда тебе на шею посадят каких-нибудь ребят, возомнивших себя спецназовцами, коммандос докатастрофных времен. Они свяжут меня по рукам и ногам, подумал Музыкант. А если еще надо мной поставят командира… Ну уж нет.

— Я могу отказаться? — спросил он.

Вась-Палыч фыркнул.

— Лучше бы, конечно, нет, — перевел это фырканье на человеческий язык Доцент. — А собственно говоря, Олег, почему ты отказываешься?

— Я ничего не могу гарантировать, — осторожно подбирая слова, сказал Музыкант. — Как я хожу по порубежью, я никому объяснить не могу. Хожу — и все тут. Был ли я в «серой зоне»? Да, был. Пойду ли еще? Да, пойду. Но один. Почему один? Потому что не хочу, чтобы сначала на меня понадеялись непонятно по какой причине, а потом будут трупы, и все они останутся на моей совести, потому что у меня нет никакой уверенности, что я мог бы им помочь. Достаточно? На все вопросы ответил?

— Нет, не на все, — вмешалась Бой-баба.

Олег посмотрел на нее с интересом. Среди штабистов Зинаида Вершинина была для него наименее понятным человеком. Музыкант делил людей потому, как они к нему относились: нормально или не очень. К первым относился, например, Доцент. Типичным примером вторых являлся, конечно же, Вась-Палыч. А вот Вершинина не относилась к глухому снайперу никак.

Вообще. Как будто в ее мире Олег существовал лишь тогда, когда в нем возникала необходимость. А во все прочее время Музыканта укладывали в спячку в далеком подвале, из которого его извлекали лишь в случае очередного неотложного дела.

— Мы вполне можем приказать тебе, Музыкант. Ты не замечал, что получаешь паек? Что у тебя дома зимой есть отопление? Что ночью к тебе в дом не врываются крысы? А знаешь, откуда все это берется? Почему ты спокойно спишь по ночам? Потому что есть другие люди, и они работают на то, чтобы тебе было сегодня хорошо, а завтра еще лучше. И пока мы руководим этими людьми, и пока ты от них зависишь, я считаю, что мы можем приказывать. И не забывай — ты чуть ли не единственный в городе, кто живет не по графику, кого не ставят в караулы, не назначают в госпиталь — выносить горшки, не гоняют с лопатой картошку сажать.

— Но обрати внимание, — добавил Доцент, — что мы все-таки не приказываем, а просим.

— Ага, — вмешался Вась-Палыч, — индивидуальный подход это называется. Тебе прикажи — ты же наизнанку вывернешься, чтобы все испортить. Нам же дороже выйдет.

— Ой, да помолчи, — поморщилась Бой-баба. — Мы все тут разумные люди. Мы все на одной стороне баррикад. Что нам мешает нормально поговорить и обо всем спокойно договориться?

— То, что вы наверняка уже все решили за меня и теперь собираетесь навязать мне ваш план действий.

— Почему ты так думаешь?

— Я же с вами не первый раз имею дело. Я согласен пойти в «серую зону». Но один. Никаких попутчиков-помощников, которые будут только мешаться под ногами. Расскажите мне, в чем дело, и я все выполню наилучшим образом.

Доцент поморщился:

— Все у тебя так легко выходит. Быстренько сбегаешь туда, найдешь меч-кладенец да отрубишь дракону все его головы — тебе потом принцессу да пол королевства в придачу. Да только не все так просто, Олег.

— Можно, я ему объясню? — вмешался в разговор один из сидевших в креслах незнакомцев — приземистый лысый крепыш.

— Валяй, — махнул рукой Вась-Палыч.

— Олег, меня зовут Дмитрий. Я командую группой, которая несет караульную службу вдоль проспекта Вернадского. Знаешь, где такой?

Музыкант кивнул. Он был прекрасно осведомлен, что проспект Вернадского являлся фактически частью границы. Это было одно из тех мест, где порубежье сужалось до едва заметной тоненькой полоски. Сам по себе проспект был довольно коротким, претенциозная стройка докатастрофных времен, которой не суждено было завершиться. Там среди недостроенных десятиэтажных высоток то и дело вспыхивали короткие безжалостные схватки между людьми и щупавшими их оборону крысами. В общем, неспокойное место. Кого попало на проспект Вернадского не посылали. Олег подумал, что, если бы Дмитрий носил значок с «крысиными хвостами», он вполне мог бы уже завершить свою десятку и даже начать следующую.

— Хорошо, что тебе не нужно объяснять. В общем, мы там воюем. И вот два дня назад мы нашли одну интересную штучку. Саша, покажи ему.

Второй незнакомец, не говоря ни слова, поднялся из кресла, взял со стола мятый грязный лист бумаги и протянул Олегу.

— Прочитай, — сказал Доцент.

Музыкант посмотрел на лист, который держал в руках. Обычный стандартный лист бумаги для принтера. И поперек него — надпись. Фиолетовой шариковой ручкой. Неровные буквы, явно написанные наспех, намеренно выцарапаны пожирнее, чтобы было видно издалека. Всего два слова. «Помогите нам».

— Вот так вот, — заключил Дмитрий. — Записка была приклеена скотчем к стене дома в порубежье.

— Понятненько, — протянул Олег.

— К сожалению, ничего не понятненько. Кто это написал? Как он там оказался? Каким образом ему вообще удалось выжить и почему он смог сочинить эту записку, да еще и повесить ее напротив поста? Я на эти вопросы отвечать не рискну. Вот поэтому нам и нужно, чтобы ты провел в «серую зону» группу, — сказал Доцент. — Сначала — разведчиков. Потом — бойцов, если вернетесь с какой-нибудь ясной информацией. Мы должны им помочь.

— Кому — им? — спросил на всякий случай снайпер.

— Пленным. Ты думаешь, что крысы вдруг научились писать по-русски?

Знал бы ты, чему они научились еще, подумал Олег, вспоминая недавнюю встречу с говорящей крысой. Я бы тебе рассказал, да ты не поверишь. Вы все не поверите. Спросите, где ее хвост. Как будто крысиные хвосты могут говорить и играть на флейтах. И вообще — незачем. Это ничего не изменит. Действительно, Доцент прав: пленных нужно выручать. Не столь важно, что это за люди, каким образом им не посчастливилось оказаться в «серой зоне», что с ними делают крысы. Важно то, что они — свои и просят о помощи.

— Даже если бы крысы умели писать по-русски, — добавила Бой-баба, — с чего бы они просили помочь? И в чем?

— Да, — согласился с ней Дмитрий, — к тому же в записке нет ни слова о том, кто они, сколько их и — самое главное — где их искать. Скорее всего, писавший торопился и не был уверен, что успеет об этом рассказать. Поэтому задача, Олег, осложняется тем, что, кроме листа бумаги и двух слов, у нас ничего нет. Совсем ничего.

— Ну что, — спросил Вась-Палыч, шумно отхлебнув из стакана, — это меняет дело?

Олег думал недолго:

— Пожалуй, да.

— То есть ты пойдешь в «серую зону» и проведешь группу?

— Да. Но только…

— Что еще?

— Я не хочу, чтобы мной командовали. И не хочу командовать сам. Пусть у группы будет командир, а я буду проводником. Сталкером. Какой-нибудь Дерсу Узала. Но когда я скажу «стоять» — все будут стоять не хуже жены Лота. А скажу прыгать на месте — будут прыгать на месте.

— Многовато просишь, — заворчал Вась-Палыч.

— А мне кажется, вполне разумно, — не согласилась с ним Вершинина. — Доцент, что скажешь? Мне кажется, что главное — результат, а как он будет достигнут — это уже не так важно.

Доцент пожал плечами.

— Группу поведет Дмитрий, — сказал он. — Это совершенно очевидно. Ты согласен на то, что предлагает Музыкант?

Дмитрий испытующе посмотрел на Олега:

— Музыкант, ты нормальный человек?

— Нет, — мгновенно ответил тот.

Доцент, Бой-баба и молчавший все это время Паршин рассмеялись. Вась-Палыч нахмурился. Арсен оторвался от калькулятора и недовольно посмотрел на снайпера.

— Зато честно, — сказал Дмитрий. — По рукам.

Он протянул Олегу широкую крепкую ладонь. Музыкант ответил на рукопожатие.

— Вот и ладушки, — удовлетворенно заключил Доцент. — Еще кое-что. Зачем у нас тут еще один Олег. Паршин.

Паршин, услышав, что заговорили о нем, часто закивал головой.

Ага, подумал Музыкант. Сейчас, когда я вроде бы на все согласился, обязательно чем-нибудь эдаким осчастливят.

Но его опасения оказались напрасны.

— Там в районе ваших поисков военный городок. Знаете, где это?

— Да, — отозвался Дмитрий. — Хотя если по справедливости, он не совсем в районе поисков. Так, одной стеной задевает. Да и стены уже, в сущности, нет. Там во время Катастрофы шли какие-то серьезные разборки вокруг танковых боксов. Сами танки до сих пор стоят — похоже, их успели вывести из строя. А вот все, что рядом, выжжено и взорвано.

— Точно, — встрял Паршин. — Танки мы немного того… Попортили. Когда стало ясно, что творится какая-то хрень, собрались несколько офицеров из тех, у кого крыша еще не съехала, ну и решили, что не стоит нашим жестянкам пока что ездить.

Вот оно что, подумал Музыкант. Значит, не ошибся я, угадав в тебе вояку. Да еще и танкист. Интересно только, зачем нам танки. Ну ладно, это уже дело Штаба.

— Так вот, — продолжил Доцент. — Олег, который Паршин, утверждает, что танки можно починить. Причем ремонт требуется несложный. На обратном пути, если будет возможность, загляните в военный городок, и пусть он посмотрит, что там и как. Только быстро, — перевел он взгляд на бывшего танкиста. — Быстро — это значит очень быстро, Олег. Доступно излагаю?

— Чего уж тут недоступного, — пожал тот плечами. — Взгляну одним глазком и сразу все пойму. Я ж на тех танках, считай, пятнадцать лет… Эх-х-х…

Он махнул рукой.

— Вот и отлично, — подытожила Бой-баба. — Дмитрий, Олег, еще один Олег, когда сможете выйти?

Дмитрий перевел взгляд на Музыканта.

— Часов в десять вечера, — прикинул тот. — Командир, твои люди готовы будут?

— Думаю, да. Штаб, что насчет снаряжения?

— А что нужно? — подозрительно спросил Арсен.

— Ничего особенного. Только хотелось бы иметь возможность не считать патронов. И еще кое-что по мелочи.

— Знаю я ваши мелочи, — буркнул хозяйственник. — Когда подойдешь?

— Через час устроит?

— Вполне.

Начиналась обычная суета, с которой был связан любой серьезный рейд в порубежье или «серую зону». Олега эти вопросы не касались, но кое-что следовало уточнить.

— Командир, — окликнул он Дмитрия.

— Что?

— Сколько людей думаешь взять с собой?

— Четверых. Не слишком много?

— Переживу. Тогда давай так: в девять встречаемся у вас, на Вернадского. Куда там лучше подойти?

— Магазин с часами помнишь? Вот туда подойдешь — там у нас наблюдательный пункт. Все? До вечера?

— До вечера.

Музыкант встал и направился к выходу. Уже закрывая за собой дверь, он услышал, как Паршин вполголоса интересуется, кто такая жена Лота.

Олег вышел из кабинета. Пойти домой выспаться перед ночной вылазкой? Опять Иришка будет ворчать… А что он может поделать? Идет война, они все, как ни крути, солдаты. У каждого свое место в строю. Музыкант тоже бывает нужен. Вон Вась-Палыч, если все в порядке,

чуть ли не нос от него воротит. А едва припечет — кого на помощь зовут? Правильно, Музыканта: ведь там, где не справляются нормальные, стопроцентно победят — кто? Точно. Ненормальные. К тому же штабисты, вынужден был признать Олег, правы в том, что он и так получает немало поблажек. Вот и пришел один из тех моментов, когда настало время за это расплачиваться.

Поразмышляв таким образом, снайпер решил забежать в туалет. В небольшом помещении с двумя кабинками и четырьмя фарфоровыми писсуарами вдоль стены не было никого. Хорошо, подумал Олег. Тихо. Только вода негромко журчит. Можно было бы, конечно, снять слуховой аппарат — тогда станет еще тише. Но что, если кто-то войдет? Все-таки когда вокруг люди, стоит иметь возможность нормально говорить с ними, да и обижать окружающих показной глухотой не стоит. Музыкант расстегнул штаны и спокойно сделал дело, за которым сюда зашел. Застегнувшись, он шагнул к двери и вдруг услышал голоса.

Говорили о нем.

Один голос стопроцентно принадлежал Паршину. Остальных снайпер не опознал: скорее всего, кто-нибудь из охраны или вызванных в Штаб людей.

— Музыкант-то? — ворчливо переспросил один из тех, чьего голоса Олег узнать не смог. — Да что про него скажешь? Хрен разберет, чего ему надо. Отключит свою штуковину на ухе — и не поговоришь с ним, как с человеком. Ходит в «серую зону» — возвращается живой, точно заговоренный.

— Ага, — подхватил другой голос, звонкий, молодой. — У меня вон браток был, Серега, душа-парень, дрался как бог, стрелял что твой Робин Гуд. И то из «серой зоны» не пришел. Хотя этому Музыканту до Сереги далеко. Но вот он почему-то все время живой остается, а Серегу убили.

— Так он же все-таки за нас, — это уже Паршин.

— За нас-то он за нас, — подтвердил ворчливый. — Если бы он еще и против был — все, пиши пропало. Боюсь я его. Он какой-то в себя погруженный. Нормальный человек — ему же с другими поговорить надо, а этот что? Обращаешься к нему — он на тебя глядит, а сам будто и не видит: мысли-то у Музыканта явно не здесь где-то. Нет, стрелок он отменный, это ты, Леха, со зла такое отмочил, но что у него на уме, никто не знает. Непонятный он какой-то.

— Я все правильно сказал, — обиделся молодой Леха. — Люди знаете что говорят? Что он умеет с крысами разговаривать.

Олег внутренне похолодел. Умом-то он понимал, что рассказанное незнакомым ему Лехой — не более чем очередное суеверие. Но, елки-палки, как же близок парень к правде, даже если сам он того и не подозревает. А Леха тем временем продолжал:

— Он, я слыхал, особые слова знает, какие можно крысам сказать, и те сами лапки задирают и под выстрелы подставляются. С такими словами любой может хорошим снайпером стать: знай только командуй серым, куда им идти и как строиться, а потом курок нажимай. А еще он над пулями колдует.

— Ты сам видел? — со смешком спросил ворчливый.

— Да все это знают, — обиженно бросил Леха в ответ. — Сам догадайся — чем еще можно его везение объяснить?

Олег подумал, что будет забавно, если кто-нибудь из обсуждавшей его троицы решит посетить туалет и обнаружит там предмет своего интереса стоящим с приложенным к двери ухом.

Ворчливый все не соглашался с Лехой.

— А что ты сам у него этих слов не спросишь? Представляешь, все бы такие слова знали! Да мы бы в три дня всех тварей перебили.

— Так он тебе их и сказал, — ответил раздосадован но Леха. — Ты что, не понимаешь? Если те слова будут другие люди знать, какие у Музыканта тогда преимущества останутся?

Паршин, слушавший обоих своих собеседников и сам в разговоре особо не участвовавший, наконец решил вмешаться:

— Просто дело в том, мужики, что мне с ним в одной группе на задание идти. Вот я и думаю, насколько ему доверять можно.

— Доверять-то можно, — рассудительно произнес ворчливый. — Но думать он о тебе вряд ли будет. Слишком уж он сам по себе. Так что ты на него, как говорится, надейся, но и сам не плошай.

— А я тебе так скажу, — добавил Леха. — По-моему, Музыканту главное, чтобы было чем перед людьми покрасоваться. Так что если ему покажется, что можно совершить подвиг, он полезет его совершать обязательно. А вас кинет. Потому что он — вот такой вот уникальный Музыкант, а мы все — хрены с горы.

— Ладно-ладно, — (Музыкант не видел сейчас Паршина, но мог представить, как бывший танкист часто-часто кивает головой), — попробую учесть. Ну спасибо, ребята, за рассказы, за советы.

— Удачно тебе вернуться.

Трое разошлись. Никто из них так и не собрался заглянуть в туалет, служивший сейчас Олегу местом подслушивания.

Вот так, значит, подумал Музыкант. Брошу и пойду совершать подвиги? Хорошо, буду иметь в виду, незнакомый Леха. Ты не представляешь, дружище, как бы мне хотелось однажды действительно бросить тебя в «серой зоне» перед носом у крысиного патруля. Ты же, сопляк, небось ни разу там не был. Ты не в курсе, что это такое — лежать в какой-нибудь канаве по шею в жидкой грязи, ожидая, пока погоня убедится, что тебя уже не догнать, и повернет назад. Ты не знаешь, каково это — вляпаться в засаду и вести бой в одиночку против пятерых. Тебе никогда даже в голову не придет принести своей женщине цветы из порубежья.

Он громко, на весь Штаб, хлопнул дверью и пошел домой.

В половине десятого Олег был у магазина с часами. На самом деле от часов осталось одно воспоминание: во время войны банд в башенку, украшенную выпуклым кованым циферблатом, угодили из чего-то серьезного и разворотили вдрызг. Теперь развалины щерились во все стороны гнутыми вывернутыми балками. Но название осталось, потому что многие помнили это место: почему-то до Катастрофы у магазина с часами модно было назначать свидания, и вечерами там всегда было шумно и людно — и хорошенькие смешливые девчушки, и парни, старательно красующиеся перед ними… Музыкант велел себе не вспоминать.

Поспать ему не удалось. Подслушанный в Штабе разговор не давал Олегу уснуть. Он ворочался, вспоминая то, что ему выпало услышать, придумывал едкие, ироничные, остроумные фразочки, которыми мог бы ранить своих оппонентов, и мучился от того, что уже поздно и весь яд, что сейчас копится в нем, собирается впустую. Оставалось лишь жалеть, что он так и остался по ту сторону двери — не вышел, не бросил обсуждавшим его людям что-нибудь уничижающее, бьющее точно в цель, метко и безжалостно.

Поэтому Музыкант нервничал и изо всех сил старался никому этого не показывать.

Дмитрий и его ребята носили серый городской камуфляж. На блестящую лысину командир группы натянул черную шапочку. Паршин, кстати, тоже был в камуфляже. На их фоне Олег в черных джинсах и темно-синей куртке с меховой опушкой смотрелся довольно странно.

Неожиданно для всех них пришел Кравченко. Доцент, который, судя по напыщенному виду, готовился произнести напутственную речь, сначала даже смутился. Потом быстро пришел в себя, пихнул Данила Сергеевича в плечо, усмехнулся, спросил:

— Откуда ты всегда все так быстро узнаешь? Что, старый, признаешься, кто из моих на тебя работает?

— Все, — без тени улыбки ответил Кравченко. — Да все путем, дружище. Волки воют — ветер носит. Какие у нас могут быть секреты? Да и не обращай на меня внимания, я просто пришел посмотреть, как ребята в рейд пойдут. Проводить. Ручкой помахать.

Доцент похмыкал неопределенно, буркнул что-то насчет того, что кое-кто никак не может засунуть подальше привычку баловаться заговорами, и вернулся к группе Дмитрия. Зато к Кравченко подошел Паршин. Олег, видя их рукопожатие, подумал, что знакомы-то они давно, но не очень рады друг друга видеть. Он напряг слух, пытаясь разобрать, о чем они говорят. Выяснилось, что о нем. Елки-палки, подумал Музыкант, вспоминая разговор, случайно подслушанный в Штабе: ну что он никак не угомонится? Завидно ему, что ли? Да ладно, тезка, только попроси — я отдам тебе все свои странности с потрохами. Дело за малым: разобраться, как это сделать.

— Ты ему доверяешь? — спрашивал тем временем Паршин.

— Кому?

— Олегу. Ну, Музыканту.

— Ну ты даешь. Доверяешь, не доверяешь… Олег, ты случайно не в курсе, что мы все плывем в одной лодке? Какое тут может быть недоверие?

— Очень простое. Он какой-то не такой. Крысы — тоже не такие. Не чуешь сходства?

— Слушай, дорогой! — Данил Сергеевич даже разозлился. — Кончай чушь пороть и вести себя как параноик. Я понимаю, что ты до мозга костей военный человек и привык, что, согласно уставу, все должно быть единообразно выкрашено в один цвет, но нельзя же все понимать буквально. Медведи — не пчелы, и бегемоты — тоже не пчелы. Но разве бегемоты такие же, как медведи?

— Ладно, ладно, — замахал руками бывший танкист. — Я ему не доверяю, конечно, зато доверяю тебе. И если ты говоришь, что ему можно доверять…

— Смени тему, — бросил Кравченко. — И учти: по-моему, он нас слышит. Тем более что он умеет читать по губам.

— Что?

Паршин повернулся в сторону Музыканта, но тот вовремя отвел взгляд и тщательно изобразил, что его больше интересует, как Дмитрий проверяет снаряжение своих бойцов.

— Слушай, — Паршин оставил Олега в покое и толкнул Кравченко локтем, — а почему его Музыкантом зовут? Он что, играет на чем-нибудь? Вон, смотрю, волосы длинные да серьга в ухе.

— Да нет, — отмахнулся Кравченко. — Нам, впрочем, сначала тоже что-то такое показалось… Он же, когда мы его подобрали, сначала разговаривать вообще не хотел, только до меня иногда снисходил, отвешивал слово-другое. Все-таки отделали его здорово на улице, да еще в семье проблемы были, так что он чувствовал себя одиночкой, и нам, хоть мы его и спасли, накормили, оружие дали и к делу приставили, поначалу не очень доверял. Вот кто-то из наших тоже на его волосищи и серьгу в ухе посмотрел да на майку с какой-то страшилой намалеванной, которую Олег носил, — и точно как ты, подумал, что Олег — какой-нибудь рокер. Ну, рокер-то он действительно рокер, до сих пор по городу старые диски собирает, на которых такие же патлатые, как он, записаны. А чтобы сам играл — не, такого не знаю. Но вот приклеилось с тех пор: Музыкант да Музыкант. А коли приклеилось, то теперь и до смерти не отлипнет. И кстати, когда я говорил тебе сменить тему, я имел в виду, что про Музыканта больше ни слова. По-моему, вам пора.

— О, точно, — закивал Паршин и трусцой побежал к Дмитрию.

Олег тоже подошел к командиру группы.

— Значит, так, — сказал тот. — Вижу, все в сборе. Записка висела вон там.

Он показал на неприметельное высотное здание.

— Видите, мужики, там все двери выбиты, только одна на месте? Вот на нее и прилепили. На черной двери она очень качественно белела. План такой: выдвигаемся на ту сторону и неторопливо прочесываем окрестности в поисках хоть каких-нибудь следов. Олег, — он перевел взгляд на Музыканта, — на тебя особая надежда. Во-первых, если нас засекут, постарайся предупредить об этом заранее. А во-вторых, может быть, ты почувствуешь что-нибудь такое, чего мы не заметим. Не стесняйся говорить, даже если тебе будет казаться, что ты бредишь. Другой Олег, — Дмитрий повернулся к Паршину, — твоими делами займемся ближе к утру. Точнее решим по ходу дела. Но с рассветом нам нужно быть у себя. Все понятно?

— Все, — кивнул Музыкант.

— Так точно, — Паршин выглядел так, словно хотел козырнуть, и единственное, что мешало ему это сделать, — отсутствие фуражки.

Подошел Доцент:

— Все в порядке? Ну и отлично. Идете?

— Идем. Пора.

— Ну, удачи, мужики. Вернитесь только.

— Да уж постараемся.

Доцент хлопнул Дмитрия по плечу, повернулся, посмотрел на снайпера:

— Олег, а ты не геройствуй. Не за хвостами идешь.

— Да помню, помню.

— Вот и ладушки. Действуйте.

— Пошли, — велел Дмитрий.

Сначала шли цепочкой: впереди один из бойцов Дмитрия, за ним — Олег, потом сам Дмитрий, Паршин и еще двое бойцов. Четвертый замыкал цепочку, держась в паре десятков метров позади нее. Они без помех вошли в порубежье и двинулись во двор той самой высотки, на дверь которой кто-то прилепил загадочную записку.

Двор был как обычный послекатастрофный двор порубежья или «серой зоны»: грязный, замусоренный, неухоженный. Деревья, которые некому было подровнять, разрослись, опрокинутые ржавые мусорные баки раскатились с бетонного основания, в дальнем конце плескалась здоровенная мутная лужа. Не было не только никаких следов присутствия крыс — Музыкант мог с уверенностью сказать, что и серые твари не радовали это место регулярными посещениями.

— Вадик, — негромко окликнул шедшего впереди бойца Дмитрий, — стой.

Тот остановился, крутя головой по сторонам. Группа подошла к нему.

— Ничего, — констатировал командир. — Пусто. Ты что скажешь? — Он внимательно посмотрел на Олега.

Тот пожал плечами. Сказать снайперу действительно было нечего. Двор. Грязь. Разруха. Брошенный у ворот гаража старенький «Москвич» со спущенными шинами и хищно ощеренными осколками выбитых стекол. Выщербины от пуль на уровне второго этажа. Рассыпанные под одним из окон пластмассовые куклы, выцветшие до белизны, наполовину утонувшие в грязи. Здесь давно никто не живет.

— Тихо, — обронил Музыкант единственное слово.

— Это подозрительно? — быстро спросил Дмитрий.

— Да нет. Даже в «серой зоне» есть целые кварталы, где крысы практически не появляются. Так что ничего необычного.

— Тогда делаем так. Вадик, Боря — вы туда. — Он ткнул рукой в сторону чернеющей арки. — Посмотрите следующие два двора — и обратно. Ясно? Отлично, выполняйте. Андрей, Роман — вы вдоль дома, загляните за угол, пробегитесь до соседнего дома, гляньте там во дворе — и тоже назад. Мы пока останемся здесь.

Бойцы Дмитрия неторопливой рысцой разбежались, как им было указано. Олег посмотрел в небо. Ночь обещала быть лунной, и это было не очень хорошо. Редкие облачка проносились мимо луны, как будто специально старались не прикрыть ее даже краешком. Когда на небе творится такое, трудно прятаться и легко искать.

— Слушай, Музыкант, — неожиданно спросил Дмитрий, — а это правда? Ну, все то, что про тебя говорят?

— Все? — усмехнулся Олег. — Все — конечно, неправда.

— А что тогда правда?

— Ну, смотря что тебя интересует. Точно могу тебе сказать, что не умею ходить по воде, возвращать людей с того света, изгонять демонов и превращать воду в вино. Разочаровал?

— Точно, — хохотнул командир группы, — разочаровал. Именно самое оно, что разочаровал. Я-то грешным делом подумал, что Штаб выделил нам на время супермена, который одним махом семерых побивахом. Да и от вина я никогда не отказываюсь. А если серьезно, Олег, говорят, что ты крыс на расстоянии чувствуешь. И никогда не промахиваешься. Будто бы у тебя пули заговоренные.

— И как же, интересно, я их заговариваю? Да уж, доля истины в том, что я редко промахиваюсь, конечно, есть. Но это всего лишь дело тренировки. Я, командир, до Катастрофы увлекался пулевой стрельбой. По секциям занимался, из тиров не вылезал. Вот и весь секрет. А касательно того, чтобы чувствовать крыс…

Он замолчал. Сказать или нет? А что он, собственно, мог выдать Дмитрию? То, что иногда он на самом деле ощущает, есть ли вокруг серые мутировавшие твари? А иногда — не ощущает, и это чутье не вызовешь никаким известным ему способом, не заговоришь, как его мифические, не знающие промаха пули. Оно то приходит, то уходит, не ставя Музыканта в известность заранее.

И есть еще странный крыс с флейтой, умеющий говорить, требующий, чтобы его воспринимали как мужчину. Уже два раза Музыканту удавалось ощутить его появление, а два раза, как ни крути, — это уже тенденция. Любопытно, его недавний противник, добить которого он так и не сумел, способен так же издалека почуять Олега?

Дмитрий терпеливо ждал. Мысленно махнув рукой, Музыкант продолжил:

— Порой чувствую. Но это не всегда. Извини, но не уверен, что нам это поможет.

— Да ладно, я все понимаю. Был у нас парнишка, Аликом звали. Тот еще лопух, вечно ему не везло, и все шишки ему доставались. То на ровном месте ногу подвернет, то сядет на с виду нормальный стул, а из стула гвоздь торчит, и вот тебе на — дырка в брюках. Поднимется по срочной тревоге — спросонья обязательно лоб расшибет. В общем, не боец, а недоразумение ходячее. Но он, Олег, точно крыс чуял что твой локатор. Был он у нас чем-то вроде полезного прибора и талисмана одновременно. Пару раз так выходило, что если бы не его чутье, то нам бы и вовсе не жить. Я бы уж точно тогда с тобой сейчас не разговаривал. Вот только однажды Алику этому не повезло раз и навсегда. Был бой — ну, так себе бой, текучка, ничего особенного. Они вяло нападают, мы так же вяло отстреливаемся. И вдруг перед Аликом — крыса. Алик нажал на спуск, а автомат отказал. И тварь ему — очередь в живот. В упор. И нет парня.

Олег внутренне похолодел. Автомат, отказавший именно в тот момент, когда крыса готова была к броску, — как это знакомо. История имеет свойство повторяться? Это что-то должно значить? Почему ему повезло, а неизвестному парнишке Алику, о котором только что совершенно случайно рассказал Дмитрий, судьба выбросила совсем другие кости?

В разговор вмешался Паршин.

— Да ладно, ребята, — сказал он. — Я до Катастрофы много читал про всякие скрытые возможности человека. Прикиньте, спит в каждом из нас что-то такое… — Он покрутил рукой в воздухе, взглянул на собеседников, словно ожидая, что они подскажут слово, которого ему

не хватает. Но Музыкант и командир группы молчали, и бывший танкист непонятно добавил: — …Эдакое. А когда время настает — просыпается. Человек упал с пятнадцатого этажа — и ничего себе не сломал. Другой автомобиль поднял, который на его сынишку наехал. Ну и так далее. А тут парень, — он ткнул пальцем в Олега, — чует крыс. Очень в наше время актуально. Про тебя же, Музыкант, всякое говорят. Ты и сам, наверное, знаешь.

Знаю-знаю, подумал Олег. Знаю, что говорят, и кто говорит, тоже знаю. И даже знаю, кто спрашивает. Еще бы понять, зачем ты, тезка, такие вопросы людям задаешь: мужикам в Штабе, Данилу Сергеевичу. Может быть, кому-то еще. Отчего тебя так заинтересовала моя персона? Только лишь потому, что нам выпало побыть с тобой в одной упряжке?

— Да ладно вам, — недовольно буркнул снайпер. — Тогда почему твои скрытые возможности во всех не проснулись? Вот бы нам это сейчас пригодилось. Представляешь, у каждого в запасе лишняя пара жизней, как в компьютерной игре, всякие сверхъестественные штучки и коды к бесконечным патронам.

— Природа, Олег, вряд ли так работает, — серьезно возразил Дмитрий. — Она наудачу перебирает варианты. Знаешь, что такое бета-версия? Ага, тогда представь, что наш Алик был такой бета-версией, на которой эволюция что-то отрабатывала. Но Алик оказался неудачной моделью. Тогда в дело пошел ты. И сколько еще таких Аликов и Музыкантов бродит вокруг? В одних природа уже запустила свой механизм отбора вариантов, в других он, как наш танкист говорит, пока что спит. Как тебе такая версия?

— Никак. Не хуже и не лучше других. Мы, командир, вообще-то на задании. Может, хватит нам языки чесать?

— Делать пока все равно нечего. Сейчас мои бойцы вернутся, что-нибудь расскажут, — тогда и пойдем дальше. О, кстати, легки на помине.

Обе отправленные на разведку двойки почти одновременно появились с разных сторон. И те, и другие доложили, что все тихо, крыс не замечено, следов пребывания людей — тоже.

— Ну и что будем делать? — риторически вопросил Дмитрий, глядя в небо. — Музыкант, куда идем? В арку или по улице?

— В арку. По улице слишком опасно. Луна сегодня не на нашей стороне, по открытым пространствам лучше долго не ходить.

— Принято. Хорошо, порядок движения прежний. Идем в арку, проходим два двора, потом опять выдвигаем двойки на разведку.

Так они методично обшарили шесть дворов. Все они мало отличались от первого.

По мере углубления в «серую зону» внутри Олега нарастала какая-то иррациональная тревога. Но он никак не мог понять — то ли это действительно проснулось его шестое чувство, зевнуло, потянулось и решило напомнить о себе, то ли это всего лишь мандраж, вызванный тем, что снайпер сегодня не один, а служит проводником для Дмитрия и его группы. Вспомнив, что командир просил говорить о своих предчувствиях в любом случае, и решив, что лучше перестраховаться и выглядеть смешно, чем вовремя не предупредить людей об опасности, он похлопал Дмитрия по плечу.

— Командир…

— Что? Что-то есть?

— Сам не знаю, — признался Музыкант. — Тревожно мне. Может, и зря беспокоюсь. Может, и не зря.

— Ясно. — Дмитрий посуровел. — Значит, так… Вадик, Боря, остаетесь с нами. Андрей, Роман, очень — повторяю, очень — осторожно выдвигаетесь за угол и смотрите, что там.

— Я с ними, — сам для себя неожиданно сказал Олег.

В этот момент он больше всего был недоволен необходимостью носить слуховой аппарат. Эх, будь он один! Тогда на его стороне выступала бы верная союзница тишина, в которой

снайпер научился читать больше, чем многие люди могли выхватить из самого насыщенного разговора. Но снять слуховой аппарат означало лишиться возможности общения со своими спутниками.

— Ну давай, — согласился Дмитрий. — Серьезно говорю, осторожнее там. Не геройствуйте. Если что — сразу отходим. Лучше потом еще одну попытку сделаем.

Все, что происходило дальше, напоминало плохой боевик, в котором Олегу и группе Дмитрия сначала было суждено сыграть роль плохих парней, которых влегкую разносят в пух и прах главные герои. Наверное, крысиный режиссер превзошел сам себя, готовя эту сценку. Музыкант потом с трудом мог вспомнить, что вообще творилось во дворе хрущевской пятиэтажки, украшенной раскосо бегущей по стене широкой трещиной. В памяти остались лишь разрозненные картинки, выхваченные взглядом и мгновенно застывшие, чтобы пополнить в сознании коллекцию воспоминаний.

Только что вокруг было тихо — и вдруг, словно призрачные порождения самой темноты, отовсюду появляются крысы. Ими кишит весь двор. Несколько тварей визжащими чертиками из коробочки выскакивают из-за ныне выцветшей, а когда-то красно-зеленой беседки и тут же принимаются палить, вдавив курки и не отпуская их, пока в магазинах не кончатся патроны. Один из бойцов Дмитрия падает, мгновение спустя кинжальная очередь в упор вспарывает второго, отбрасывает его на песочницу, он рушится через бортик, ноги в черных тяжелых ботинках высоко задираются, и Музыканту почему-то запоминаются рубчатые подошвы, к одной из которых прилип бурый тополиный листок.

Дмитрий отскакивает назад, таща Олега за собой, Паршин бежит за ними, а вслед по пыли двора весело, словно приглашая поиграть с ними, скачут взметаемые пулями фонтанчики. Еще не меньше трех крыс, не особо прячась, ведут огонь со стороны качелей, и оставшиеся в живых — кажется, соображает на ходу снайпер, это были Боря и Вадик — ответным огнем заставляют их прижаться к земле, а одна из тварей, упав, конвульсивно дергается и уже не поднимает головы. Вокруг нее споро натекает темная лужа.

Оживает одно из окон у них над головой, оттуда нахально высовывается длинный пулеметный ствол и, крутясь влево-вправо, щедро метет двор свинцовой метелью, Дмитрий чертыхается, когда пуля обжигает ему плечо, но, к счастью, крысы так и не научились хорошо попадать в цель и стараются делать упор на кучность и плотность огня, поэтому задевшая его пуля остается пока единственной, причинившей какой-то вред. Все стреляют, и Олег стреляет тоже, вдавив курок до упора и не особо заботясь о том, чтобы целиться. Здесь не снайперская стрельба по мишеням.

Паршин на бегу выдергивает руку из кармана, и черный мячик гранаты отправляется в полет. Упав у беседки, она еще несколько мгновений неровно кувыркается, а затем взрывается. В воздух взметаются обломки досок, разлетевшиеся веером осколки от души полосуют крыс, которым не посчастливилось угодить под раздачу. Одна из тварей с визгом налетает спиной на торчащий скол доски, выпятившийся гигантским белеющим в темноте зубом, и, несколько раз судорожно трепыхнувшись, безжизненно повисает на нем. Вот такой вам рок-н-ролл, мелькает шальная мысль.

Со стратегией у крыс туговато. Несмотря на немалое численное превосходство, явно заранее подготовленную позицию и первоначальный успех, дальше у них все идет из лап вон плохо. Бешеное тарахтенье автоматов, которые как будто стараются перекричать друг друга, оглашает окрестности. Будить теперь некого, так что и захваченная врасплох группа Дмитрия, и серые твари стараются вовсю. Отступающие люди как-то оказываются на другой стороне двора, полдесятка стволов, на которых почти без перерыва вспыхивают и пускаются в пляс огненные бабочки, сносят преградивших им путь врагов и прячутся за полуобвалившейся трансформаторной будкой — какое-никакое, но все же укрытие.

Дальше сохранившиеся в памяти записи стали более четкими. Музыкант очень хорошо помнит, как, пригибаясь и пряча голову от свистящих где-то выше пуль, к нему подобрался Дмитрий.

— Хреново, — сказал он, осторожно выглядывая и тут же пряча голову обратно, потому что сверху опять полоснула пулеметная очередь, выбив брызги кирпичного крошева. — Твои предложения, Олег?

— Уходим. Очень быстро. Пока они не позвали подмогу.

Несмотря на то что происходящее слишком уж явно напоминало засаду и даже учитывая, что они потеряли двух человек из и так невеликого отряда, Музыкант мог признать, что дела не так уж и плохи. Планирование у противника обычно всегда срабатывало не лучшим образом — видимо, сказывалось то, что за плечами крыс не было сотен тысяч лет обладания разумом. Коллективные действия у них всегда были скоординированы очень посредственно. Так что, коли им сразу повезло остаться в живых, то был еще здоровенный шанс, что и дальше все сложится для Дмитрия и его людей наилучшим образом.

— Куда?

— Да куда угодно — главное, чтобы не прорываться через тот же двор. Давай вон туда?

Олег ткнул рукой в сторону хрущевки справа от них. Между ними и старой пятиэтажкой не было ничего, кроме нескольких по-осеннему бесстыдно голых тополей и странной металлической рамы, на которой, как смутно припомнил Музыкант, до Катастрофы хозяйки развешивали ковры, чтобы выбивать из них пыль.

— Добро, — Дмитрий даже не спросил, почему именно туда, хотя сам снайпер сейчас не взялся бы отвечать на этот вопрос; хорошо, что командир группы доверяет его чутью. — Слушай мою команду…

Договорить он не успел. Крысы решили попытаться добить дерзкую и упорную группу, рискнувшую прогуляться по «серой зоне» прямо у них под носом. Не меньше десятка зверюг вылезли из-за своих укрытий в обернувшемся ловушкой дворе: из-за трухлявых беседок, качелей, на которых давно уже никто не качался, песочниц, оставшихся без разнесенного ветром песка, проржавевших горок. Они бежали в полный рост, едва различимые в сумраке, уверенные в том, что, в крайнем случае, если не хватит умения, возьмут числом. Пулемет в окне зачастил торопливо, поддерживая атаку.

— Да чтоб вас… — бессильно выругался Дмитрий.

Еще одна граната, брошенная запасливым Паршиным, явно оказавшимся в своей стихии, на мгновение остановила этот натиск.

— Да быстрее же!

Олег толкнул командира локтем. Тот, словно очнувшись, перестал поливать из автомата двор и скомандовал:

— За мной!

Затем он вскочил и, низко пригибаясь, побежал в сторону хрущевки, указанной Олегом. Остальные последовали за ним.

Музыкант замешкался совсем ненадолго, но, возможно, именно это едва заметное мгновение — промелькнуло, и нет его — определило дальнейшую судьбу снайпера. Вскакивая с потрескавшегося холодного асфальта, он неудачно ушиб локоть о кирпич, дернулся, зашипел от боли и вдруг уронил с уха слуховой аппарат. Совершенно машинально он нагнулся, чтобы поднять упавшее устройство, и тут уже знакомое ощущение огненного шила в позвоночнике настигло Музыканта. Жгучая игла уколола его, заставила остаться согнувшись, а потом и вовсе упасть обратно. Но Олег успел увидеть, как один из бойцов Дмитрия — то ли Вадик, то ли Боря — на бегу выронил автомат, резко остановился и, налетев коленом на ствол огромного тополя, рухнул навзничь. Второй лишь ошалело помотал головой, но, видимо, он в горячке боя и грохоте автоматных очередей, которыми полосовали ночь преследовавшие людей крысы, слабо

слышал околдовывающую музыку. Дмитрий и Паршин и вовсе оказались вне зоны ее действия — они бежали себе и бежали, стараясь как можно быстрее достичь спасительных деревьев и оставить между собой и погоней построенную несколько десятков лет назад пятиэтажку.

И ты здесь, с бессильной злобой подумал Олег. Покажись, тварь, я с тобой разберусь. Не поднимаясь, он повел автоматным стволом, но нигде не видно было фигуры таинственной зверюги с флейтой. Зато увлеченные преследованием отходящих людей крысы успели перегруппироваться после взрыва очередной гранаты и миновать укрытие Музыканта, так что он не торопясь, спокойно расстрелял двоих в спину. Остальные даже не заметили потери сородичей и продолжали гнаться за Дмитрием и теми, кто еще оставался с ним, как не знающая преград и страха дикая охота.

Мир окутала непроницаемая ватная тишина. Беззвучно визжали и падали подстреленные крысы, неслышно трещали автоматы, молчаливо палил пулемет. Олег, мгновенно оценив обстановку, решил, что стоит уходить из-за трансформаторной будки, но не в ту сторону, куда отступили остатки их группы. Теперь каждый сам по себе, всяк выживает как может. С этой мыслью снайпер поднял, наконец, упавший слуховой аппарат и покрутил головой по сторонам, надеясь все же обнаружить крысу с флейтой.

Вокруг не ощущалось ни единой живой души. Даже пулеметчик, молотивший из окна, вроде бы перестал стрелять. Шестое чувство, ненадолго выползшее из комы, чтобы предупредить своего носителя, опять свернулось уютным клубком и заснуло.

Но стоило Олегу привстать, как еще две твари, отставшие от основной группы и теперь вовсю стремившиеся наверстать упущенную возможность поучаствовать в облаве, выскочили справа от него. Музыкант, мгновенно повернувшись, всадил в одну из них скупую очередь — крыса, вскинув короткие лапы, выронила оружие, сложилась пополам и упала на землю. Вторая, быстро оценив ситуацию, метнулась назад, оставив после себя рубчатый шарик брошенной чуть ли не под ноги гранаты.

Олег каким-то невероятным рывком прыгнул в сторону, стараясь упасть так, чтобы между ним и гранатой оказалась груда битого кирпича, когда-то бывшая углом не устоявшей перед безжалостным временем трансформаторной будки. Холодный асфальт больно ударил по лицу, но Музыкант предпочел терпеть эту мимолетную боль и постарался еще больше вмяться в него, сжаться в комок, чтобы стать как можно меньшей мишенью для смертоносных осколков.

Близкий взрыв хлопнул по ушам. Не будь Олег уже глухим — наверняка потерял бы слух, хотя бы на время. Хищная стая зазубренных, рваных огрызков железа с визгом пронеслась над ним, мимоходом разорвав куртку и больно царапнув. По спине потекло горячее, но это уже было не страшно. Главное, что Музыкант остался жив, у него в руках было оружие, и он готов был драться дальше.

Снайпер осторожно приподнял голову.

Вновь никого.

Тогда он попытался встать, но вдруг правая щиколотка взорвалась острой болью, заставив Олега присесть и сдавленно охнуть. Этого еще не хватало! Похоже, совершив отчаянный прыжок, Музыкант подвернул ногу. И что теперь делать? На одной ноге не уковылять от преследователей, которые наверняка появятся, стоит лишь немного подождать.

Олег опять попытался встать. Это получалось плохо. Помогая себе, он оперся рукой на груду битого кирпича, послужившую ему укрытием. И тут груда сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее начала обваливаться, превращаясь в настоящий оползень. Похоже, близкий взрыв гранаты нарушил многолетнее спокойствие полурассыпавшейся трансформаторной будки и она решила продолжить разваливаться. Музыкант в панике попытался увернуться от кирпичного града, забыв о поврежденной ноге, но только упал навзничь, здорово приложившись спиной. Слуховой аппарат опять отлетел в сторону.

Лежа на спине, он увидел, как медленно-медленно наклонилась стоявшая вертикально труба, явно служившая раньше опорой. Так же неторопливо она начала падать, нависая над Олегом. Снайпер, решив, что встать ему пока что не суждено, попытался выкатиться из-под опускающейся железяки, но не успел. Опора диаметром в обхват его ладоней прижала левую руку чуть выше локтя, вдавила в россыпь битого кирпича. Музыкант едва сдержал крик. Поднявшаяся пыль запорошила глаза, клубилась красноватым облачком, мешая дышать, забиваясь в ноздри, раздирая горло. Вот это да, потрясенно подумал угодивший в ловушку Олег. Что же это получается? Приходи и бери меня голыми руками?

Выпавший автомат лежал чуть в стороне. При всем желании дотянуться до него Музыкант не мог. Он попробовал той рукой, что не попала в западню, приподнять трубу, — но не тут-то было. Она и так была довольно увесистой, но еще, похоже, решившую упасть опору заклинило где-то у основания.

Как мышь в мышеловке, мелькнула невеселая мысль. Да нет, какая уж там мышь! Как человек в человеколовке. То ли подохну от голода, то ли добьет особо удачливая тварь.

Так прошло не меньше получаса. Злость утихла, ушел азарт боя, и осталось лишь чувство обиды, ощущение чудовищной несправедливости, которая приключилась с ним. Погоня давно уже умчалась куда-то в сторону «нашей территории». Олег от всей души желал Дмитрию и тем, кому посчастливилось не полечь под пулями и не попасть под колдовство крысиной флейты, успеть добраться до своих.

Вдавившееся в тело кирпичное крошево стало чем-то привычным, и, ворочаясь, Олег даже смог принять более-менее удобное положение. Но смотреть он мог только вверх и немного по сторонам. Справа и слева не было ничего интересного: чернеющие в предрассветном сумраке деревья, с которых ветер обрывал редкие жухлые листья, безмолвные дома, испещренные дырами давным-давно оставшихся без стекол окон, и квартиры, где хозяйничал холод, остатки скособочившегося рекламного щита, полусгоревшие шины, когда-то, наверное, служившие клумбами — на одной сохранились следы желтой краски, — остов небольшого грузовичка. Сверху на придавленного трубой Музыканта молча смотрело небо. Олег тоже молчал. Наверное, им с небом нечего было сказать друг другу. Кто там из героев классики лежал раненым на поле боя и пялился в облака? Андрей Болконский, кажется…

Потом снайперу почудился звук шагов, еле-еле различимый, почти на грани слышимости. Шаги становились все ближе — они были непривычно легкими и шуршащими. Музыкант вздохнул: так звучали шаги крыс. Значит, все. Его время пришло. Как и Сверзин, как и незнакомый ему Алик, о котором Олег узнал лишь несколько часов назад, как и многие другие, знакомые и незнакомые, он погибнет, и никто не узнает правды о том, кем же он был.

Крыса была одна, и Музыкант нашел в себе силы удивиться: обычно твари предпочитали даже по «серой зоне» ходить группами — самое меньшее по три-четыре особи. Она подошла к нему очень близко и наклонилась, внимательно рассматривая человека, над которым так жестоко подшутила судьба. Странно, что в лапах пришедшей к нему зверюги не было оружия. Но кто этих крыс разберет?

Олег чувствовал ее запах — острый, тошнотворно-кислый, и он мучил снайпера ничуть не меньше, чем осознание собственного бессилия.

— Ну же! — зло выдохнул Музыкант. — Бей, сука!

Снайпер лежал так неудачно, что в пределах досягаемости правой руки не оказалось ни единого мало-мальски серьезного куска кирпича. Больше всего на свете ему хотелось бы сейчас иметь возможность всего лишь один раз поднять левую руку. Тогда Олег взял бы один из валявшихся неподалеку от ладони обломков и изо всех оставшихся сил хрястнул наклонившуюся над ним тварь промеж глаз. Чтобы лоб вдребезги. Чтобы кровь — горячими алыми густыми брызгами. Чтобы осколки костей — в мозг. Потом можно и помереть, прихватив с

собой напоследок еще одного врага. Чертовски обидно, что Бог не собирается позволить Музыканту это сделать.

Крыса не двигалась. Черные глаза-бусинки, между которыми снайпер наметил точку для удара кирпичом, глядели на него. Потом губы твари раздвинулись, показав желтоватые клыки.

Я не зажмурюсь, приказал себе Олег. Не закрою глаз. Я, сука, гордый. Хочу взглянуть в глаза собственной смерти, и в гробу я видел, что звучит это до противного пафосно и до отвращения банально. Я…

— Долг платежом красен. Так, кажется, говорят люди, — произнесла крыса.

Глухой снайпер опять прочитал ее слова по губам.

Они еще какое-то время молчали. Музыкант подумал, что для него все крысы — на одну морду, и совершенно непонятно, как же эта говорящая тварь отличает его от прочих людей, — ей-то все они тоже должны казаться на одно лицо. Воистину есть многое на свете…

— Где твоя флейта? — вдруг спросил Олег.

— Тебе зачем?

— Просто… Любопытно.

— Поверь, это не так важно. Тебе помочь? Учти, предлагать два раза я не собираюсь.

Принять помощь врага? Вот это по-рыцарски. Такого Музыкант от спасенной им крысы не ожидал. Воздаяние добром за добро? Удивительно в этом свихнувшемся мире. Впрочем, как раз тогда, когда мир сошел с ума, удивляться уже нечему. В этой пьесе актеры разом забыли отведенные им роли, а режиссер ушел в глубокий запой, и его не дозовешься, как ни зови. Так что каждый играет, во что горазд.

— Ну помоги, — наконец согласился Олег.

Зверюга наклонился и подергал тонкой лапой трубу, придавившую руку Музыканта. Как и следовало ожидать, труба не поддавалась.

— Тяжелая, — задумчиво пробормотала крыса.

— Конечно, — зло буркнул Олег. — Ты думал, я здесь просто так разлегся? Загораю?

— Если тебе не нравится, — глядя в сторону, флегматично сообщила серая тварь, — я могу уйти.

Музыканту вдруг стало стыдно. Он, как и любой в Городе, ничего не знал о жизни крыс, но предполагал, что его добровольный помощник может рисковать своей шкурой, помогая раненому человеку.

— Извини, — пробормотал он. — Чертовски противно валяться здесь вот так…

— Ничего-ничего, — успокоила его крыса. — Сейчас кое-что попробуем. Подожди, человек, я скоро вернусь.

Крыса полезла куда-то по куче осыпавшегося битого кирпича, подымая облака пыли. Интересно, подумал снайпер, не собирается же она, надеюсь, привести своих родичей. А то может как-то совсем некрасиво выйти.

Говорящая тварь действительно вернулась через несколько минут. В лапах она сжимала длинную железяку.

— Рычаг. — Она гордо продемонстрировала железяку Олегу. — Крепкий. Надеюсь…

Подсунув рычаг под трубу, крыса со всех сил налегла на него. С душераздирающим скрипом труба приподнялась, дернулась — и вдруг поползла вверх. Зверюга тяжело дышала, продолжая давить всем весом тела.

— Выбирайся, — выдохнула она. — Ну, живее!

Музыкант осторожно вытащил руку, стараясь как можно меньше задевать ею об осколки кирпичей.

— Хорошо, — удовлетворенно заметила серая тварь и, стараясь не шуметь, опустила трубу на место.

Раненый человек с трудом поднялся и огляделся. Ничего, кроме полуобрушившейся стены и груд битого кирпича. И, похоже, никого, кроме них двоих. Несколько бугорков, в которых угадывались очертания мертвых подстреленных или получивших порцию гранатных осколков крыс, не в счет. Он поднял с асфальта слуховой аппарат и привычным движением нацепил его дужку на ухо. Конечно, можно читать по губам, но с аппаратом, как ни крути, удобнее.

— Никого нет, кроме нас с тобой, — подтвердила крыса. — Мои друзья преследуют твоих. Ну, тех, кому я не успел сыграть свою музыку. Если тебе хочется это знать, твои вроде имеют все шансы уйти на свою территорию. Правда, у них кого-то подстрелили. Заметь, я не спрашиваю, что вы здесь делали. Что искали, зачем пришли. Меня интересуют только наши с тобой отношения. Ты помог мне — я помогу тебе.

А мне так хочется, подумал Музыкант, узнать у тебя, что за люди писали записки с просьбой о помощи. Знаешь ли ты что-нибудь о них, о том, как они сюда попали, что с ними случилось дальше и что ждет? Я бы поинтересовался, но границы твоей лояльности обозначены совершенно четко: я — тебе, ты — мне. Никто третий в этом не замешан. Я не могу ждать от тебя ответа, а если и дождусь, нет никакой гарантии, что в твоих словах будет хоть крупица правды. Чертовски жаль. Быть бы уверенным, что этот поспешный рейд был не зря.

— Ты идти-то можешь? — поинтересовалась говорящая тварь.

Идти Олег мог, несмотря на подвернутую ногу. Но дело было в том, что ночь заканчивалась, вот-вот должно подняться солнце, а вокруг наверняка снуют крысиные патрули, взбудораженные дерзкой вылазкой людей. Так он и сказал своему странному собеседнику. Тот задумался.

— Тут есть один подвал, — наконец сказал он. — Пересидишь до ночи? Или вообще несколько дней там просидишь — придешь в себя, отдохнешь. Устраивает?

— Вполне, — согласился Олег.

— Здесь недалеко. Пошли. Я тебе принесу еды, медикаментов. И не бойся, я тебя не выдам.

— Уже не боюсь.

Олег сделал первый шаг, за ним — другой, еще и еще. Ничего, вполне терпимо. Жить можно. Вот только не совсем ясно, что с рукой. Только бы не перелом. Может быть, ему все-таки повезло и это всего лишь серьезный ушиб? Вот только рука с ним не соглашалась — висела безжизненной плетью и отказывалась подчиняться.

— Почему ты мне помогаешь? — спросил он.

— А почему ты помог мне? — парировала крыса.

— Хороший вопрос… Все-таки я человек, а ты…

— Ага. Вот в чем дело. А я — крыса. Мерзкая тварь, которая может только жрать, гадить и размножаться. Что ж, человек, ты не очень далек от истины. Я знаю, как люди относятся к нам. Я читал много ваших книг. Да-да, не удивляйся, читать я тоже умею. Там было про Щелкунчика. Еще что-то насчет чумы. И про какой-то дом посреди пустыни, который штурмовали крысы, приехавшие на бронетранспортере. В общем, образ, созданный вашими писателями, не назовешь привлекательным. Ну и справедливости ради признаю, что наши неразумные предки заслужили такой оценки. Да и их облагодетельствованные разумом потомки, честно говоря, тоже не особо лучше.

— Гуманизма вам не хватает, — предположил Олег.

Удивляться он и не думал. Его личная удивлялка давно уже отпросилась в бессрочный отпуск. Говорящие крысы, читающие крысы… Все в порядке. Что дальше? Крысы, сочиняющие стихи? Рисующие картины?

— Это точно, — согласился с ним собеседник. — Человечная крыса — это было бы смешно, ты не находишь?

— Люди называют крысой человека, который ворует у близких людей.

— Опять негатив, — вздохнул спаситель Музыканта. — Впрочем, как я уже говорил, спорить я не собираюсь. Против правды не попрешь. У нас это очень распространено — воровать у своих, пресмыкаться перед сильным, идти вперед по головам слабых. Ничего не поделаешь, мы — крысы.

Музыкант никак не мог понять, говорит ли его собеседник серьезно или иронизирует. Тем временем они выбрались на какие-то задворки и вскарабкались на невысокую кучу мусора.

— Ну-ка постой. — Крыса придержала Олега. — Сейчас посмотрим… Ага… А здесь…

Она повертела усатой мордой направо-налево, шумно принюхалась, задрожав тонкими усами. Потом как будто прислушалась, хотя Музыкант не слышал даже намека на подозрительный звук. Ничего, кроме постоянного шепота ветра.

— Все в порядке, — наконец сообщила она. — Можно идти.

Глава 5. В подвале

Они, не особо скрываясь, пересекли небольшой захламленный пустырь и подошли к обвалившейся хрущевской пятиэтажке, стоявшей справа от той, мимо которой убегали от погони Дмитрий и оставшиеся в живых люди из группы. Два подъезда все еще были целыми, а два других рухнули давным-давно. Двери располагались попарно: подъезд-подвал, подъезд-подвал; их разделяли узкие бетонные перегородки. Крыса направилась туда, где подвальная дверь, сорванная с петель, валялась на земле.

— Мы хорошо разбираемся в подвалах, — с гордостью сказала она. — Даю лапу на отсечение, что здесь ты будешь в безопасности. Все, что нам нужно было, отсюда давно уже вытащено. Принесу тебе пару матрасов, одеяло — устроишься почти как в гостинице.

Снайпер, опираясь на услужливо подставленное крысой плечо, осторожно шагнул на неровные, стертые тысячами подошв ступени, больше всего на свете боясь того, что вот сейчас измученная нога не выдержит, подвернется — и он сверзится в глухую могильную темноту, затопившую все внизу. Но пока что все было в порядке. Крыса шумно дышала, и от нее неприятно пахло. Музыкант вдруг вспомнил, что при первой встрече с говорящим зверем его чуть не вывернуло наизнанку от вони. А сейчас — гляди-ка, ничего. Привыкает?

Теплый, сухой, застоявшийся воздух подвала тоже пах крысами. Но по сравнению с тем запахом, что исходил от поддерживающей Музыканта твари, это было всего лишь воспоминанием о том, что они когда-то посетили это разделенное на крошечные клетушки деревянными стенками помещение. Возможно, раньше здесь пахло совсем иначе — лежалой картошкой, старыми бумагами, которые и не нужны никому, и выкинуть жаль, сломанными деревянными лыжами, детскими санками, с полозьев которых облупилась краска, уступив место ржавчине. Олег помнил, как до Катастрофы они хранили точно в таком же подвале за хлипкой дверью, запертой на тяжелый замок, десятки банок с капустой, огурцами, помидорами, вареньем. Их готовила бабушка, которая никак не могла привыкнуть, что все это можно купить в магазине, и настаивала на том, что так, как она, по-домашнему, никто не сделает. Порой в подвалы спускались бомжи, они срывали двери с чахлых петель, зачастую умудряясь сделать это голыми руками, воровали картошку и соленые огурцы, иногда закусывали ими дешевую водку прямо на месте преступления, после чего матерящийся участковый заставал бомжей тепленькими и разомлевшими, а те лишь довольно и глупо хлопали глазами.

— В гостинице? — пробормотал он, осматриваясь и стараясь сквозь кромешный мрак разобрать хоть что-нибудь. — На люкс это не потянет.

— Лучше ничего предложить не могу. Устраивайся давай, я тебе помогу.

Олег с помощью крысы собрал несколько досок, бросил их подальше от входа — на тот случай, если ее сородичам вдруг по какой-либо прихоти взбредет обыскать окрестности. Сверху снайпер накинул куртку — получилось что-то вроде лежанки. Она оказалась не очень удобной, но выбирать не приходилось. Не спать же на цементном полу! Музыкант улегся, поворочался, вытянул ногу, изводившую его занудной ноющей болью. Автомат положил так, чтобы в любой момент достаточно было протянуть руку и схватить оружие. Это не укрылось от крысы, которая внимательно смотрела на то, как он устраивается.

— Тебя никто не потревожит, — сообщила она.

— Береженого бог бережет, — отозвался Олег.

— Ну-ну, — спокойно сказал его спаситель. — Много он тебя сегодня на берег?

Возразить Музыканту было нечего.

— Отдыхай пока, — велела говорящая тварь. — Отдыхай, я вернусь ближе к вечеру.

После этого странная зверюга развернулась и отправилась к подвальной двери.

Я надолго здесь не задержусь, мрачно подумал Олег. Домой хочу. К своим. К Иришке. Она беспокоиться будет, когда наши вернутся и выяснится, что я пропал. А если, тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, не вернется вообще никто, будет еще хуже. Так что залеживаться мне здесь нельзя. Еда, лекарства и матрасы — это, конечно, лучше, чем ничего, но не это мне требуется. Главное, чтобы нога не подвела. Ну и рука, само собой. Хорошо хоть, что правая в порядке, а то нажимать на курок левой я как-то не научился. Так что, дорогая моя говорящая крыса, ты, само собой, приходи. Неси все, что обещала, но вечером я отсюда ухожу. Может, стоило тебя попросить, чтобы ты патронов принесла. Вернее, принес. Ты же у нас самец, как я мог забыть…

С этими мыслями Олег провалился в глубокий сон.

Вечером Музыкант никуда не ушел. У него поднялась температура и кружилась голова. Нога продолжала ныть тупой тянущей болью, как будто в щиколотке поселился извращенец, получавший удовольствие оттого, что неторопливо водит по нервным окончаниям плохо заточенной пилой. Все время хотелось пить, а на лбу то и дело выступал холодный липкий пот.

Когда вернулся говорящий крыс, он застал Олега проснувшимся, но в отвратительном состоянии. В темноте подвала осунувшееся лицо Музыканта бледнело подобно лику древнего призрака, прикованного к месту смерти каким-то тяжким преступлением. Снайпер то и дело пытался что-то делать, суетился, порывался уйти, но через мгновение находил новое занятие и бросался к нему, не закончив старого. Он начал разбирать автомат, чтобы проверить, все ли с ним в порядке, и так оставил его полусобранным. Зачем-то вывернул наизнанку куртку и так и бросил ее обратно на служившие ему лежанкой доски. Увидев это, спустившаяся в подвал тварь только покачала головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.